

наш
XX
век

75
лет
ПОБЕДЫ

ИВАН СТЕПАНОВИЧ

КОНЕВ

ЗАПИСКИ КОМАНДУЮЩЕГО
ФРОНТОМ

Наш XX век

Иван Конев

Записки командующего фронтом

«Центрполиграф»

1972

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Конев И. С.

Записки командующего фронтом / И. С. Конев —
«Центрполиграф», 1972 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07917-6

В книге мемуаров одного из самых выдающихся советских полководцев Маршала Советского Союза И.С. Конева впервые собраны все имеющиеся воспоминания автора – как знаменитые, но не переиздававшиеся в последние десятилетия работы «Сорок пятый» и «Записки командующего фронтом», так и отдельные главы, сохранившиеся в архиве семьи маршала в виде магнитофонных записей устных рассказов полководца о тех или иных событиях военной истории Отечества. Особенно интересны среди них воспоминания о становлении И.С. Конева как профессионального военного в годы Гражданской войны и в межвоенный период, его участии в первых сражениях Великой Отечественной войны, Московской битве, объективные оценки полководческих качеств И.В. Сталина и Г.К. Жукова. По тем или иным причинам, в том числе и цензурным, эти главы не были опубликованы при жизни автора или выходили отрывками. Анализу автора воспоминаний присущ широкий стратегический охват событий и в то же время глубокое, скрупулезное проникновение во все детали операций, свидетелем и творцом которых он был лично. И.С. Конев широко использовал архивный материал, так что его работы обладают качествами полноценного исторического исследования. Несмотря на то что воспоминания И.С. Конева готовились в период, который называют «годами застоя», их отличает объективность оценок, твердость взглядов и убежденность автора в правоте дела, которому он посвятил всю жизнь.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-07917-6

© Конев И. С., 1972
© Центрполиграф, 1972

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Становление	9
В Смоленском сражении	22
Битва за Москву	31
Калининский фронт	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Степанович Конев

Записки командующего фронтом

© Конев Н.И., текст, 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

В 60-х годах прошлого века в нашем обществе стали активно отмечать юбилеи Победы. Война, отдаляясь во времени, породила у фронтовиков желание обобщить свой опыт, создать живую летопись событий. Настали времена мемуаров, их писали в те годы многие: и солдаты, и генералы, и танкисты, и летчики, другие участники боевых действий.

Созревший в обществе интерес к мемуарам, в том числе крупных полководцев, очень тонко ощутил тогдашний главный редактор журнала «Новый мир» А.Т. Твардовский. Он с симпатией относился к отцу и присылал в знак уважения книги своих стихотворений.

К 20-летию Победы Твардовский решил опубликовать в журнале мемуары моего отца. И вот по просьбе редактора в нашем доме появился Константин Симонов, который в то время работал в «Новом мире», и предложил отцу поработать над воспоминаниями о войне для публикации в майском номере журнала. Отец поначалу засомневался и начал отказываться: дескать, я солдат, а не писатель. Но Симонов настоял и предложил отцу не записывать, а надиктовывать воспоминания на диктофон. Вы, мол, сначала наговорите, Иван Степанович, что считаете важным, машинистка расшифрует и напечатает, потом останется только отредактировать текст, и можно сдавать его в печать. Именно таким методом нередко пользовался сам Симонов. Отец поддался на уговоры, но предложил Константину Михайловичу начать с интересующих его вопросов о войне. И вот потянулась череда насыщенных трудами дней, заинтересованными свидетелями которых были мы с мамой. Рано утром, почти ежедневно, раздавался звонок в дверь, появлялся Симонов в своем обычном черном вязаном свитере, с трубкой, которую он посасывал, но не курил, в знак уважения к некурящему хозяину, проходил в кабинет, и там начинались долгие беседы; точнее, отец рассказывал длительными периодами, а Симонов оставался внимательным и чутким слушателем, который, как опытный газетчик, подбрасывал острые вопросы. У меня до сих пор в архиве хранятся записи этих бесед, черновая устная книга «Сорок пятый». Симонов умел «заводить» отца, который, правда, был сам человеком увлекающимся, темпераментным, открытым к диалогу. «А вот что, Иван Степанович, ответил вам Сталин на ту вашу просьбу о помощи, когда в начале октября сорок первого года обескровленный, не имевший резервов Западный фронт вот-вот мог рухнуть под ударами немецких войск?» И откровенный ответ – видимо, давно отец носил его в себе. Он доверял этому уравновешенному, рассудительному и хорошо осведомленному человеку. Беседовали о прошлом и во время обедов, ужинов, за чаем. Симонов, наверное, откладывал в памяти и что-то для себя, для своих будущих книг. Уже после смерти писателя вышла книга «Глазами человека моего поколения», большой ее раздел – беседы с маршалом Коневым.

Мемуары отца, подготовленные для «Нового мира», под названием «Сорок пятый» незадолго до его семидесятилетнего юбилея вышли в Воениздате отдельной книжкой. К этому юбилею большой друг отца писатель Борис Полевой придумал подарок, остроумно подчеркнув обращение отца к новому для него делу, созданию мемуаров. Это был коллаж на листе бумаги: фотопортрет отца в рясе, в шапочке монаха-летописца и с гусиным пером в руках. Он изображен с огромным фолиантом с надписью «Мемуары», а в уголке картинки – вешалка с наброшенным маршалским кителем и сиротливо приткнутым щитом и мечом.

Подарок Полевого, конечно, был знаковым: боевой маршал взял в руки перо. В книге «Сорок пятый» действительно было что-то от хроники, «летописный» намек Полевой подхватил верно. Например, события, связанные с подготовкой и проведением Берлинской операции, описаны по дням. Но в книге отца многое и от записок – в ней есть эпизоды о молодых годах, о революционной романтике, о службе в Нижнем Новгороде, множество живых деталей о друзьях-товарищах, портреты тех, с кем довелось встречаться на фронтовых дорогах.

Мемуары эти были не написаны, а надиктованы отцом на диктофон, который, к слову сказать, был в те времена редкостью.

Впоследствии отец воспользовался методом Симонова еще раз. Будучи уже весьма нездоров, он приступил к созданию второй книги мемуаров – «Записки командующего фронтом». Это рассказ о крупнейших операциях 1943–1944 годов, начиная с Курской битвы, в которой отец командовал Степным фронтом, и кончая событиями, связанными с освобождением всей нашей страны и выходом на государственную границу по реке Прут.

На подготовку второй книги отцу пришлось затратить немало усилий. Помогали ему опытные редакторы, но отцу все же требовалось посещать архивы, перечитывать множество документов. В 1972 году в издательстве «Наука» вышел в свет долгожданный том «Записок». Эта книга более сдержанна по интонации, чем «Сорок пятый». Это действительно военные мемуары. Отец оценивает действия фронтов, которыми ему довелось командовать, армий, видов и родов войск; в ней содержатся размышления о стратегии, о своеобразии полководческих решений в той или иной операции; оцениваются действия других фронтов, Ставки Верховного Главнокомандования. Отец по-прежнему внимателен в оценках личного вклада боевых соратников в Победу. В то же время это действительно записки: отец пишет о войне, находясь на том командном пункте, на который поставила его жизнь; материалы по своему масштабу огромные, многие мелкие детали, не связанные со стратегическим целым, не вошли в текст.

Кроме двух книг, опубликованных при жизни автора, в данное издание включены материалы из его архива.

Летом 1972 года Конев надиктовал для Гостелерадио на магнитную ленту свою автобиографию. Запись эта хранится в архиве семьи. Она и представила основу публикации в журнале «Знамя» (1987. № 11, 12). Эта часть предлагаемого издания озаглавлена «Становление».

Кроме того, в книгу включены надиктованный на магнитофонную ленту рассказ Конева о заседании летом 1946 года Высшего военного совета, посвященного разбору «дела» Г.К. Жукова, воспоминания «Начала Московской битвы», опубликованные в Военно-историческом журнале в № 10 за 1966 год. В настоящий сборник включена глава об освобождении Калинина («Калининский фронт»), подготовленная для публикации И.С. Коневым, но так и не увидевшая свет при его жизни.

Тексты из архива автора подготовлены вдовой И.С. Конева Антониной Васильевной и мною как наследницей его военно-исторических материалов.

Н.И. Конева

Мой боевой опыт позволяет мне вспомнить множество эпизодов, связанных с непосредственным пребыванием на передовой. Я мог бы рассказать многое о боевых действиях подразделений, частей, соединений и объединений, о действиях не только командиров дивизий и полков, но и командиров батальонов, рот, батарей, о многочисленных беседах в боевой обстановке в кругу младших командиров и солдат.

Почему же я уклонился от описания этих оставшихся в моей памяти и дорогих моему сердцу эпизодов? Да потому, что мне казалось важным восстановить картину событий в тех масштабах, в которых я имел возможность это сделать по своему тогдашнему положению, то есть в масштабах всего фронта, всего хода операций.

Такое отношение к событиям мне кажется принципиально важным. Думается, что человек, пишущий воспоминания о войне, может принести наибольшую пользу для воссоздания ее общей картины в том случае, если он пишет прежде всего о тех событиях и делах, с которыми сам непосредственно сталкивался, за которые отвечал. Правильнее всего смотреть на события войны, если можно так выразиться, с того командного пункта, на который ты был поставлен.

И.С. Конев

Часть первая

Довоенный период и начало войны

Становление

Я был унтер-офицером царской армии, когда свершилась революция. После демобилизации из царской армии в декабре 1917 года я вернулся в свое родное село Лодейно Вологодской губернии, ныне Подосиновский район Кировской области. В наших краях в то время еще существовали старые земские управы.

Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взялись за организацию советской власти в своей Щеткинской волости Никольского уезда Вологодской губернии. Не скажу, что все шло ладно, но у нас было огромное желание произвести революционные преобразования, и нам удавалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были слабо подготовлены; говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки, из «Азбуки коммунизма» под редакцией Бухарина и Преображенского.

Нам удалось провести волостной съезд Советов, избрать Исполнительный комитет. Затем меня выбрали делегатом на уездный съезд Советов, где я был избран в уездный Исполнительный комитет и оставлен в городе Никольске на постоянную работу. Это было в начале февраля 1918 года. В уезде партийной организации тогда еще не было. Группа бывалых солдат, сочувствующих большевикам, в том числе и я, взялась за создание ячейки большевиков при Исполнительном комитете.

Никольский уезд был очень большой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье. Но мы выявили в волостях актив: солдат, вернувшихся с фронта, и представителей передовой интеллигенции, которые примкнули к большевикам, правильно поняли идеи Великой Октябрьской революции. Потом провели первую в Никольском уезде партийную конференцию большевиков. Это было в 1918 году, примерно в июне. На ней я был избран председателем уездного комитета РКП(б). Председатель, члены бюро и секретарь – такова была тогда структура партийных организаций.

Вскоре в Никольском уезде подняли голову контрреволюционные элементы, в пяти волостях начались кулацкие восстания, кулаки оказывали сопротивление советской власти в связи с конфискацией земли и проведением всей линии Октябрьской революции, выступали не только против продразверстки, но и против закупки хлеба. На этой почве неоднократно случались избиения продкомиссаров, избиения рабочих, которые занимались заготовкой хлеба.

Тогда был создан боевой революционный отряд, а я был назначен его начальником. У меня до сих пор хранится фотография того первого революционного отряда. Отрядов Красной гвардии в уезде не было, Красной армии тогда еще не существовало, а вооруженная сила была необходима, нужны были надежные люди, которые были бы способны защищать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали свое отношение к революции конкретными делами. На первых порах в отряде было человек двадцать пять, а в последующем – около ста. С этим отрядом я выезжал в волости, охваченные кулацким восстанием. Чутье мне подсказывало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой – ведь многие из восставших просто еще не разобрались, что за события произошли в России, что такое Великая Октябрьская революция. И нужно было прежде всего выявить наиболее крупных и матерых организаторов контрреволюционных восстаний: урядников, жандармов,

кулаков, попов, тех, кто решительно сопротивлялся проведению декретов советской власти. Соответственно, надо было перетянуть на свою сторону бедноту и середняков, открыть людям глаза на действительное положение дел.

1918 год – это необыкновенный год в жизни молодого Советского государства, в жизни партии большевиков. В то время я был назначен еще и военным комиссаром Никольского уезда. Это тем более обязывало меня проводить работу, связанную с подготовкой отрядов Красной гвардии, а в последующем – с созданием и организацией частей Красной армии.

В июле 1918 года в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Я был делегирован на него. Вместе со мной на V съезд был выбран еще один представитель – уездный агроном, член партии эсеров.

Мне помнится выступление на съезде одного из лидеров левых эсеров, Марии Спиридоновой. Нужно прямо сказать, оратор она была неплохой, говорила здорово. В чем только она не обвиняла большевиков, как только не клеймила Ленина. Вся наша фракция большевиков была возмущена ее речью. Мы шумели, не давали ей говорить... Я наблюдал, как держал себя Ленин. Он сидел с краю за столом президиума и был совершенно спокоен. Иногда улыбался, покачивал головой, когда она бросала ему явно клеветнические обвинения. Как обычно, Ленин начал свое выступление очень спокойно и очень просто, не повышая голоса, подавшись несколько вперед. Он вскрыл суть выступления Спиридоновой, опасность ее призыва продолжать войну против немцев. Это был тогда один из острейших вопросов борьбы между большевиками и левыми эсерами. Сказанное Лениным убеждало, что выступление Спиридоновой авантюристично, провокационно и что левые эсеры явно не хотят добра Советской республике, народу. Этим закончился первый день заседания съезда.

6 июля левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж против советской власти... Когда мы утром пришли на заседание, Большой театр был оцеплен войсками. У входа стояли латышские стрелки и несколько броневикулов. Мы проходили на заседание большевистской фракции через сцену, а надо сказать, что сцена Большого театра – это такой лабиринт, что, не зная там всех проходов и выходов, трудно оттуда выбраться, поэтому на всех поворотах стояли наши товарищи – члены большевистской фракции и, указывая путь, говорили: «Немедленно отправляйтесь на заседание фракции в здание Коммунистического университета – на Большой Дмитровке». И мы – бегом по Петровке на Большую Дмитровку. Заседание вел М.И. Калинин. Михаил Иванович обрисовал обстановку, сложившуюся в результате выступления левых эсеров, сообщил о том, что убит немецкий посол, блокирован Кремль, что идет борьба за московский почтамт, а под конец сообщил о том, что решением Центрального комитета вся фракция большевистской партии съезда, партийная организация Москвы, весь рабочий класс столицы мобилизованы на разгром контрреволюционного мятежа левых эсеров. Я был назначен начальником заставы Рогожско-Симоновского района и получил в подчинение взвод рабочих-большевиков. Мне было поручено охранять Каланчевскую площадь, теперешнюю Комсомольскую, три вокзала, с тем чтобы воспрепятствовать подходу враждебных мятежных сил в Москву. Задача эта была почетной и ответственной, но сил для ее выполнения у меня было мало: всего два станковых пулемета и максимум человек сорок бойцов. Впрочем, мы выполнили задачу довольно успешно.

На V съезде Советов была принята первая Конституция Советской России, показавшая всему миру, куда большевики ведут народ. Тогда же было принято решение создать регулярную Красную армию для защиты молодой Республики Советов. Я уже сказал, что мы, солдаты-фронтовики, теоретически не были сильны, но у нас за плечами был тяжелый опыт войны, и классовым чутьем мы поняли значение принятой Конституции, умом и сердцем поверили, что правда там, где Ленин, где партия большевиков.

И когда я вернулся в родной уезд, мы занялись там ликвидацией эсеровского влияния, потому что у нас в уезде существовала эсеровская фракция. А так как положение на месте ста-

новилося опасным – враги советской власти, белогвардейцы и английские интервенты высадились в Архангельске и начали продвигаться по Северной Двине к югу, – уезд был объявлен на осадном положении. В соответствии с принятым законом мы начали проводить мобилизацию в Красную армию солдат, унтер-офицеров и даже офицеров, которые положительно относились к советской власти. Эта работа проходила тоже не без трудностей. Иногда доходило до того, что, пробравшись, скажем, на уездный пересыльный пункт или сборно-пересыльный пункт, левоэсеровские пропагандисты, а также анархисты организовывали провокационные выступления. Они заявляли: «Хватит, повоевали! Пора передохнуть!» – и тому подобное. В связи с острой необходимостью организовать оборону уезда, а также чтобы предотвратить выход английских интервентов и белогвардейцев на его территорию, мы одну за другой проводили партийные мобилизации. Наши партийные ряды росли.

Я сам стремился отправиться на боевой участок фронта, но, занимая пост уездного военного комиссара, не мог уйти добровольцем с одной из партий коммунистов, отправлявшихся на тот или иной фронт, – я должен был просить разрешения у губернского военного комиссара. К тому времени Никольский уезд отошел к Северо-Двинской губернии. Поэтому я должен был просить разрешения у Северо-Двинского губернского военного комиссара товарища Рябкина – очень хорошего человека, настоящего большевика. Но он мне решительно отказал на том основании, что я и так выполняю ответственное поручение партии в уезде, обеспечиваю набор бойцов в 6-ю армию, которая занимала фронт борьбы с белогвардейцами и интервентами на севере Республики (штаб армии был в Вологде). Я не согласился с отказом и обратился с ходатайством непосредственно к окружному военному комиссару в городе Ярославле, к Михаилу Васильевичу Фрунзе. Михаил Васильевич удовлетворил мою просьбу и разрешил отправиться на фронт. Направили меня вначале в город Сольвычегодск. Дали маршевую роту и отправили на Восточный фронт, в 3-ю армию, в город Вятку, теперешний Киров.

Колчак к тому времени был остановлен, но белогвардейцы собирали силы для того, чтобы перейти в решительное наступление. В 1919 году, в июне, я прибыл со своей маршевой ротой на Восточный фронт. Там меня сразу назначили в артиллерию, в запасную батарею 3-й армии. Эта запасная батарея по теперешним понятиям была больше, чем полк. В ней числилось около 2 тыс. солдат и командиров, имелась большая партийная организация, около 200 коммунистов. Вскоре меня выбрали секретарем. Я почувствовал, что здесь меня могут опять задержать, поэтому, отправившись в политотдел с докладом о состоянии партийной организации и о задачах коммунистов батареи, решил снова проситься на фронт. Мне были предложены сразу три назначения: комиссаром артиллерийского полка, комиссаром пехотного полка и комиссаром бронепоезда. Причем было сказано, что политотдел предпочел бы, чтобы я пошел комиссаром бронепоезда, потому что бронепоезда в условиях Гражданской войны являлись большой ударной и маневренной силой. Их роль была особенно велика в наступлении.

Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев – народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не особенно сплоченный. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой.

С этим бронепоездом я прошел путь от Перми до Читы, всю Сибирь и Дальний Восток. Бронепоезд был на хорошем счету.

Мне удалось сплотить очень хорошую партийную организацию. Наступление тогда велось главным образом вдоль железной дороги, бронепоезд часто был центром боевого порядка наступающих войск. Он двигался по железной дороге, а справа и слева от него шли цепи «Красных орлов» и другие полки 29-й, 27-й пехотных дивизий...

Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулеметов, врвался на станцию, прокладывая путь огнем, а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населенными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена

Гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьезной преградой. Все же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули – по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бои не только с белогвардейцами атамана Семенова, но и с японскими самураями. И сейчас вижу то поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н.А. Каландаришвили. Бывший ссыльный революционер Нестор Каландаришвили был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семенова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гонгота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было принимать ответственное решение – бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гонгота была взята.

С бронепоезда меня перевели комиссаром стрелковой бригады Второй Верхнеудинской дивизии, потом комиссаром этой дивизии, затем я продолжал борьбу с семеновцами, белогвардейцами и японцами в должности комиссара штаба Народно-Революционной армии ДВР, которой командовал Василий Константинович Блюхер. Я работал совместно с ним почти год и закончил Гражданскую войну на Дальнем Востоке комиссаром 17-го Приморского корпуса. (К этому времени уже был освобожден полностью Дальний Восток и взят город Владивосток.)

Опыт комиссарской работы, полученный в годы Гражданской войны, был, несомненно, полезен и необходим, но, чтобы быть полноценным командиром, требовалось еще очень многое. Прежде всего предстояло овладеть тактикой и оперативным искусством, искусством вождения войск, профессиональными навыками командования. Переход с комиссарской на командную работу – явление в нашей армии в 1923 году закономерное. Надо было создавать свои надежные военные кадры, которым можно доверить любое боевое задание. Окрепили и армейские партийные организации. В армии стало возможным и необходимым единоначалие, и часть комиссаров была переведена на командную работу. Михаил Васильевич Фрунзе выдвинул идею и провел решение Центрального комитета партии о введении в Красной армии единоначалия. Я в это время был начальником политотдела и комиссаром 17-й стрелковой Нижегородской дивизии в Нижнем Новгороде. На одном из совещаний в 1924 году в штабе Московского военного округа я выступил по вопросам дисциплины, организации и о порядке перехода в армии к нормальной боевой и политической подготовке. Это выступление очень понравилось К.Е. Ворошилову, он тогда командовал войсками Московского военного округа. «Ты, – сказал он, – оказывается, комиссар со строевой жилкой. Как ты думаешь, если нам перевести тебя на командную работу? Предварительно пошлем на курсы высшего командного состава при военной академии». – «Я не возражаю», – ответил я.

В 1925 году я был уже на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии имени М.В. Фрунзе, готовивших командиров советской армии.

На эти курсы прибыло немало боевых комиссаров – участников Гражданской войны, в том числе П.С. Рыбалко, будущий танковый командарм, Логинов, который во время Отечественной войны был у меня заместителем по тылу на Северо-Западном фронте, и ряд других товарищей.

Еще на Дальнем Востоке в штабе армии и корпуса я учился у бывшего полковника Генерального штаба русской армии Андриана Андриановича Школина. Это был замечательный человек, он, офицер царской армии, еще до революции был большевиком. Сидел в царской тюрьме, в Александровском центральном, и только революция освободила его. В последующем он партизанил на Дальнем Востоке, когда командовал там В.К. Блюхер. Начальником его штаба был Токаревский, старый генштабист, – на ВАКе он оказался преподавателем группы артиллерии. Партия привлекла к обучению красных командиров не только близких нам бывших офицеров, которые уже служили в Красной армии, но и тех, кто принял Октябрьскую революцию не сразу. В академии лекции по тактике отлично читал профессор А.И. Верховский, бывший военный министр в правительстве Керенского; интересны и полезны были лекции по стратегии профессора А.А. Свечина – он был начальником информационного отдела ставки Николая II, генштабистом. Я учился в группе профессора Александра Георгиевича Лигнау – большого знатока пехоты.

Учился я отлично. Взял все, что один год мог мне дать.

Но самым решающим звеном в становлении командира является полк, и после окончания ВАКа я попросил назначить меня командиром полка.

Полк учит, полк воспитывает, полк по-настоящему готовит кадры. Комполка – организатор боя, он обязан правильно использовать артиллерию, полностью и до отказа дать огонь, а не штык, использовать танки, использовать поддержку саперов и даже авиацию, запросив решения высших инстанций. Он хозяин на поле боя, в организации боя. Вот кто такой командир полка, вот почему я с большим желанием пошел на эту должность. Командовал полком пять лет. Многие говорили, что «засиделся», предлагали всякого рода должности, намекали, иногда даже иронизировали... Я решительно от всего отказывался. Я учил полк и учился у полка. Проводил занятия сам, очень сложные, продолжающиеся непрерывно, днем и ночью, с выходом в поле, с отрывом от базы, учил полк маршам и походам, боевой стрельбе и тактике, взаимодействию, и сам одновременно учился. А когда мне не хватало технических навыков, например, по такому виду, как использование огня станкового пулемета «Максим» (а тогда у нас основным был пулемет «Максим»), я делал так: начальника боевого питания полка, бывшего офицера царской армии и опытного оружейника, знавшего отлично стрелковое оружие и станковый пулемет, приглашал в свою палатку, и мы в неслужебное время дополнительно занимались пулеметом. Проходили инспекторские стрельбы или учения, и я первым на правом фланге стрелял из пулемета и выполнял задачу на «отлично», подавая пример подчиненным.

Когда я командовал полком, командующим войсками нашего округа был Иероним Петрович Уборевич. Он прошел большую школу, обладал боевым опытом, был серьезно подготовлен теоретически, а главное, всегда был собранным, подтянутым, дисциплинированным, лаконичным и конкретным в постановке задач. Он знал меня с Дальнего Востока. И вот когда я командовал 50-м краснознаменным полком 17-й Нижегородской дивизии, Уборевич на примере моего полка учил других. Однажды он вызвал меня на курсы пулеметчиков Московского округа в Кунцеве, под Москвой. Тогда еще школа «Выстрел» была в Кунцеве. Как известно, это школа высокой огневой культуры, но Уборевичу не нравилось, что там при хорошей теоретической подготовке все еще много косности, кое в чем и отставания. Он решил собрать командиров пулеметных рот всего округа и привить им технические навыки и вкус к тактическому использованию этого по тем временам мощного оружия Красной армии. В течение месяца я в Кунцеве сам прошел подготовку и учил командиров рот в качестве руководителя группы. Мы проводили стрельбы смелые, ответственные, например стрельбу из станковых пулеметов через голову своих войск. Это было тактическим новшеством, создавало большую мощь огня на поле боя и вместе с тем несколько компенсировало все еще имевшийся у нас недостаток артиллерии. Это было ново, смело и очень полезно для укрепления боевой готовности войск. Это была настоящая школа.

И мне командование полком дало такой опыт, что и потом, когда я встречался с воинской частью или находился среди солдат, я отлично представлял себе всю внутреннюю жизнь, всю службу, которая протекает в полку. Единой системой обучения были охвачены тогда все войсковые звенья от роты до высшего командования округа. В Гороховецких лагерях Московского округа проводились дивизионные учения с боевой стрельбой. Было это до войны, в 30-х годах. Уже тогда мы проводили стрельбы с форсированием рек. Впервые в 30-х годах была испытана на маневрах многополосная глубокоэшелонированная оборона стрелковой дивизии и вообще все новое, прогрессивное, что выдвигала жизнь. На оперативных играх, полевых поездках, на учениях и маневрах совершенствовались тактика и оперативное искусство командного состава.

Обращаясь к периоду, когда я командовал 50-м стрелковым полком 17-й дивизии, я всегда с благодарностью и глубоким уважением вспоминаю Нижегородскую партийную организацию, рабочих Нижнего Новгорода, заводы с революционными трудовыми и героическими традициями. Они шефствовали над полками 17-й дивизии, помогали в культурно-массовой работе, в оборудовании лагерей, стрельбищ. Это обязывало всех воинов отлично учиться. Мы гордились своими шефами. Они интересовались нашими успехами, нашей учебой. Шло соревнование между полками за знамена заводов, особенно такого, как Сормовский.

Нижний Новгород в 1932 году был переименован в Горький. В городе любили Нижегородскую дивизию, гордились ею, знали и командиров. И кстати, нам ни в чем никогда не отказывали. Как ни трудно было в городе с жильем и со снабжением, областные организации находили способы обеспечить размещение командного состава, решали вопросы квартир, ремонта казарм, заботились об улучшении питания воинов. А тогда ведь со всем этим было не так-то легко, были трудности. Партийные организации дивизии входили в районную партийную организацию. Я был избран членом обкома, а потом и членом бюро Нижегородского обкома, близко познакомился с его секретарем А.А. Ждановым и постоянно ощущал его внимание к делам дивизии.

В Нижнем Новгороде я получил большой практический опыт командования полком, затем и дивизией. Надо было овладевать теорией. И вот в 1932 году я был направлен на учебу в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Окончил ее летом 1934 года.

Советская военная мысль в те годы решала ряд актуальных задач. И, как выяснилось в период Великой Отечественной войны, наука, которую нашему брату преподавали в академии, правильно определяла характер предстоящей вооруженной борьбы. Новые теории зарождались, конечно, не только в академии, но и в войсках, на опытных учениях, маневрах, и академия всегда была тесно связана с военными округами, с войсками. В академии мы изучали и разрабатывали так называемую теорию глубокого боя и глубокой операции. Это была принципиально новая теория вождения массовых армий, оснащенных разными видами современного оружия – танками, авиацией и т. п. Нас познакомили с соответствующими разработками М.Н. Тухачевского и Б.М. Шапошникова (когда я учился, он был начальником Академии имени М.В. Фрунзе). Известны были нам труды крупного теоретика и в то же время практика оперативной подготовки В.К. Триандафиллова, он был начальником оперативного управления Генерального штаба. Было ясно, что будущая война – война моторов. Наши занятия в академии проходили в теоретических дискуссиях, в обмене опытом. Хочу подчеркнуть – жажда глубоких знаний была характерна для военной академии того времени. Это чувствовалось в аудиториях. Спокойно и выдержанно звучали на занятиях оценки обстановки, разного рода суждения, готовились приказы, но как шумно все это обсуждалось в перерывах, в коридорах, где всегда шли яростные споры о том, как лучше обороняться, как нанести удар, как лучше наступать. Думаю, что слушатели многих поколений, читая это сейчас, тепло улыбнутся, вспомнив, как на теоретических занятиях, в групповых упражнениях и военных играх мы обсуждали вечный вопрос, каким флангом обороняться, каким флангом наносить удар!

Много воды утекло с тех пор, а до сих пор памятно беззвучное передвижение войск на картах, почти осязаемое слушателями, памятны те бескровные бои и сражения. Мне до сих пор дороги старый дом на Кропоткинской улице, где тогда была академия, с его печным отоплением, чуть пахнувшим дымком сухим воздухом, его теплые и тихие аудитории, из которых ушли на большую военную дорогу наши офицеры, генералы и маршалы. Всегда добрым словом вспоминаю начальника академии Бориса Михайловича Шапошникова, человека большой военной эрудиции. Его внимание к подготовке слушателей, особенно нашего особого факультета, мы испытывали постоянно. Это создавало очень благоприятную обстановку. Он часто заходил к нам, по-дружески беседовал. А нужно сказать, что памятью он обладал феноменальной, был прямо ходячей энциклопедией. Каких только знаний не накопил этот старый генштабист, человек творческой мысли. К тому времени он выпустил уже свой капитальный труд «Мозг армии».

Интересно проходили лекции Дмитрия Михайловича Карбышева, участника Русско-японской и Первой мировой войн, замечательно знавшего кадры старой царской армии. Слушатели любили его, он был для нас как отец родной. Лекции по военно-инженерному делу он читал так, что этот сухой предмет становился самым живым, ярким, интереснейшим.

Взлет военной мысли тогда уже мог опираться на новые, исключительные возможности, открываемые победами социалистической индустрии. Появление танковых, авиационных соединений давало право нашим военачальникам ставить войскам небывалые дотоле задачи, принимать оригинальные решения. Наряду с подготовкой управления войсками на возможных театрах будущей войны слушатели особой группы учились вождению танков, сдавали зачет на штурманов, вели артиллерийские стрельбы на батареях, знакомились в море с кораблями и подводными лодками.

К сожалению, мы не смогли применить теорию глубокого боя и операции в начале Великой Отечественной войны при отходе от границ. Нет в военном искусстве проблемы более сложной, чем оборона при отходе войск. Особенно трудно армии остаться без средств ведения глубоких операций: без танковых и авиационных соединений. Правда, истины ради я должен сказать, что и в тяжелых условиях начального периода войны мы находили способы организовывать успешную оборону, знали тактику действий противника и готовили ему противодействие. Против глубоких ударов фашистских танковых дивизий мы создавали артиллерийские и противотанковые районы.

Следующий этап моей жизни начался, когда меня назначили командиром 37-й стрелковой дивизии, расквартированной в городе Речице, в Белоруссии. С ней я участвовал в Белорусских маневрах 1936 года.

Дивизия тогда получила положительную оценку, организовав по указанию командующего войсками И.П. Уборевича оборону «синих» в духе современных требований. Эта оборона была многополосной, глубокоэшелонированной, с системой траншей, ярко выраженными батальонными районами и противотанковой системой огня. Это было новое. Система противотанкового огня была организована и на переднем крае, и в тактической зоне обороны, и по всей оперативной глубине.

Оперативный размах маневров был очень большим. Командование дивизией в Белоруссии, участие в маневрах в передовом по тогдашним временам округе мне как командиру дивизии дало очень много. Маневры были очень поучительны, очень интересны. На них присутствовали народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов, представители военных делегаций Англии, Франции и Югославии. Особенно успешно был выброшен большой парашютно-воздушный десант.

За эти учения я получил благодарность и был награжден именными часами.

Позже Иероним Петрович Уборевич выдвинул меня командиром 2-й Белорусской дивизии, которая была расквартирована в столице Белоруссии Минске. Это была особая дивизия,

на положении гвардейской. Она была лучше других экипирована, полностью укомплектована, на всех учениях, маневрах и парадах всегда представляла Белорусский военный округ. К тому же 2-я Белорусская дивизия находилась на главном, Минском, оперативном направлении. Я командовал этой дивизией с конца 1936 года до середины 1937 года. Здесь я также приобрел большой опыт, в частности опыт взаимодействия с танковыми войсками, проведения тактических учений с боевой стрельбой.

В Минске стояла очень хорошая 21-я танковая бригада, полностью укомплектованная современными танками. Эта танковая бригада под командованием Бабкова и 2-я Белорусская дивизия всегда находились в полной боевой готовности и содержались по штатам военного времени. Так как Белорусский военный округ был самым крупным, расположенным на важном оперативно-стратегическом направлении, то и другие соединения и части этого округа были укомплектованы почти до штатов военного времени; подбор кадров, естественно, проводился в этом округе под контролем самого командующего. Кадры были, я должен сказать, подготовленные. Знания и опыт, полученные на окружных учениях и маневрах довоенных лет, сказались позже, в годы Великой Отечественной войны. В минском гарнизоне стоял кавалерийский корпус, которым командовал Георгий Константинович Жуков. Он был начальником гарнизона города Минска, и наши добрые отношения завязались во времена, когда мы вместе служили в Белорусском военном округе.

В июле 1937 года в сложной обстановке проходила партийная конференция, обсуждавшая разные дела Белорусского военного округа. Когда конференция закончилась, меня вызвал к телефону заместитель начальника Главного политического управления А.С. Булин и попросил срочно выехать в Москву к наркому обороны К.Е. Ворошилову. Цели вызова он не объяснил, а только предупредил: «Захватите с собой пару белья, больше ничего не берите. Все указания получите здесь, в Москве». В то время такой вызов мог озадачить, но я отгонял тревожные мысли. В Москве на Белорусском вокзале меня встретил представитель секретариата Народного комиссара обороны и сказал, что сразу же поедем в наркомат.

После выяснения ряда вопросов К.Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Дальний Восток. Я ответил, что знаю, воевал там, прошел до Владивостока включительно. Знаю ли я Монголию? Ответил, что Монголию немного знаю: наша 2-я Верхнеудинская дивизия находилась на границе с Монголией и Маньчжурией, когда там разворачивались бои за освобождение Забайкалья от банд Семенова, и я хорошо представляю себе весь район, особенно восточную часть Монголии, ее бескрайние степи, характер ее местности. К тому же 2-я Верхнеудинская дивизия принимала участие в ликвидации банд И. Дитерихса. Ворошилов тогда сказал: «Нам нужно послать в Монголию представителя – советником при Монгольской Народной армии. Как вы смотрите, если мы вас назначим на эту должность? Справитесь ли вы с ней?»

Для меня, разумеется, этот вопрос был неожиданным, но я сразу понял, что отказываться не имею права, и заявил: «Справлюсь, товарищ народный комиссар, я согласен на это назначение».

Ворошилов был в высшей степени удовлетворен таким ответом, и у него вырвалась реплика: «А говорят, что у нас нет кадров. Очень хорошо, товарищ Конев, что вы сразу согласились поехать в Монголию и выполнить это ответственное поручение. Сегодня состоится заседание политбюро. Я доложу на политбюро о вашем согласии, и вопрос о вашем отъезде будет окончательно решен».

Действительно, вечером состоялось решение политбюро о моем назначении. Меня известили, что в Монголию вместе со мной едет делегация. После этого сообщения я был вызван в Кремль к Сталину с тем, чтобы получить от него личные указания в связи с предстоящей командировкой. Сталин объяснил обстановку, складывающуюся в Монголии. Он сказал, что в связи с наступлением японцев в Маньчжурии у них подготовлен и план захвата Монгольской Народной Республики, а задача советских войск – не допустить захвата Монголии японскими

войсками, не допустить выхода японцев к границам Советского Союза в районе озера Байкал и не дать им перерезать нашу дальневосточную магистраль. Далее мне было сказано, что согласно договору о дружбе между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом следует поставить вопрос об опасной угрозе, нависшей над Монголией, и о готовности Советского Союза оказать Монголии необходимую военную помощь.

Я был глубоко взволнован большим и ответственным поручением. По дороге в Улан-Батор я обдумывал возможный характер наших действий в Монголии и свою роль в этих действиях.

Вскоре на заседании Великого хурала единодушно было вынесено решение: в связи с создавшейся угрозой захвата Монголии японскими войсками и на основании договора о дружбе и взаимопомощи просить советское правительство ввести войска в Монголию. Это решение было немедленно передано по телеграфу в Москву и доведено до командующего войсками Забайкальского военного округа. Я получил оперативную директиву, в которой было указано количество войск, перебрасываемых в мое распоряжение, и перечислены наименования частей и соединений. Группировка войск была полностью моторизованной, все находилось на колесах. В соответствии с директивой Генштаба эти войска я встретил на границе и отдал приказы о выходе войск в пункты на границе между Монгольской Народной Республикой и Китаем.

Учитывая угрозу, нависшую над Монголией, нам необходимо было прикрыть основные направления, на которых японцы, наступающие в Китае (Маньчжурии), намеревались на плечах отступающих китайских войск ворваться в Монголию и захватить ее. Этот хитроумный план нами был разгадан, и войска группы получили задачу: не допустить перехода монгольско-китайской границы ни китайскими войсками, ни тем более японскими.

Вывести войска на границу Монгольской Народной Республики нам удалось буквально на каких-нибудь 3–4 дня раньше японцев, тем самым предотвратив их вторжение. Планы японского командования были сорваны. Я могу с гордостью сказать, что эту задачу выполнили войска Красной армии. Красная армия не позволила захватить какую-либо часть территории Монголии. Были решены задачи, связанные с выходом советских войск к монгольской границе, одновременно и внутри страны был сорван подготовленный феодальными элементами план контрреволюционного переворота.

Теперь нам предстояло решить следующую задачу: разместить свои войска в преддверии зимы. А зима в Монголии – тяжелая степь, холода, мороз 40 градусов с ветром; мало снега, ни топлива, ни воды, ни каких-либо стройматериалов – все приходилось ввозить из Советского Союза, в основном по Дальневосточной железной дороге, через Улан-Удэ. К этому времени решено было именовать все войска, находящиеся в Монголии, 57-м Особым корпусом, я и был его командиром, а комиссаром корпуса был прибывший одновременно со мной в МНР в качестве политического советника член Военного совета Сибирского военного округа товарищ Прокофьев, замечательный коммунист, прекрасный товарищ, политически зрелый и принципиальный человек. Он был очень хорошим помощником, но по наговору и каким-то ложным показаниям его вскоре отозвали, и на его место комиссаром 57-го корпуса был назначен Иван Терентьевич Коровников, который позже, в Отечественную войну, успешно командовал 59-й армией.

Учитывая, что в пустыне земля сухая, мы решили вырыть землянки и укрыть в них войска. Организовали соответствующий подвоз, проложили военные дороги, на военных дорогах – этапы. Войска быстро приспособились к сложным условиям зимовки и находились в полной боевой готовности.

Я всегда с волнением вспоминаю Монголию, где находился с лета 1937 года. В июле 1938 года я был вызван в Москву с докладом на Главный военный совет. Время доклада не было ограничено. Но я не злоупотреблял, докладывал примерно минут сорок пять.

После доклада на Главном военном совете меня пригласили на обед к Сталину. На обеде, кроме Сталина и членов Главного военного совета, были почти все члены политбюро, находившиеся в Москве. Сталин обстоятельно расспрашивал меня, его интересовали кое-какие подробности и частные проблемы, например организация быта комсостава, расспрашивал он и об обычаях монгольского народа. Я обстоятельно все изложил, подчеркнул, что командиры находятся целый год в Монголии без семей (жилья нет, привезти семьи некуда), что эту проблему надо решать, привезти семьи командиров, а в связи с этим позаботиться и о школах, обслуживании и т. д., и добавил, что можно было бы привлечь членов семей к выполнению целого ряда бытовых дел, скажем к работе военторга, но пока все очень трудно – никого не найдешь. Много делаем сами, силами комсостава. Привел пример, что я, будучи командиром корпуса, сам себе стираю белье, мою полы и выполняю другую домашнюю работу. Мои слова не остались без внимания.

– Что же вы предлагаете? Какой нашли выход? – спросил Сталин.

– Есть выход, товарищ Сталин.

– Какой?

– Надо создать в основных гарнизонах банно-прачечные отряды. Потом нужно обязательно ввести женщин в систему бытового обслуживания, военторга, столовых и т. д.

– Что ж, – говорит, – правильно.

Сидящему напротив А.И. Микояну Сталин сказал:

– Микоян, запишите: для Особого корпуса в течение буквально месяца надо мобилизовать три тысячи девушек из ближайших центральных районов – Москвы, Иваново-Вознесенска и других.

Через месяц я действительно встречал девушек. Забегая вперед, должен сказать, что они у меня недолго в банно-прачечных отрядах проработали. Через три-четыре месяца все вышли замуж за командиров, и мне пришлось вновь ввозить девушек для поддержания банно-прачечных отрядов и столовых военторга.

Осенью 1938 года я был назначен командующим 2-й Отдельной краснознаменной армией. Штаб ее находился в Хабаровске, а войска – на довольно обширной территории: весь Хабаровский край, Сахалин, Чукотка, Камчатка и, кроме того, еще и Якутия. Войска 2-й армии, когда я принял командование, прямо должен сказать, оказались в запущенном состоянии, некоторые части не устроены на зимних квартирах, плохо размещены, не велись на должном уровне занятия по боевой и политической подготовке. Кое-где были арестованы руководящие работники, командиры дивизий и корпусов. Арестован был В.К. Блюхер. Все это не могло не сказаться на состоянии войск. В первую очередь требовалось привести войска в порядок, правильно разместить, организовать все службы. Нужно было подумать и об укреплении границы. Приграничная линия с Китаем шла от Кумары до Хабаровска. В Маньчжурии уже были японцы, поэтому довольно часто на островах на Амуре происходили осложнения. Японцы нарушали границу около самого Хабаровска, в районе протоки Казакевича.

В связи со сближением позиций фашистской Германии и Японии необходимо было срочно заняться повышением боевой готовности войск на Дальнем Востоке и быть готовыми к возможному нападению японцев. Смотреть надо было в оба. Работать в полную силу. Кроме всего, надо было изучить группировку противника и освоить территории, на которых наших войск не было вообще, а японцы поглядывали на них с вождедением. Речь идет о Сахалине и Камчатке. В период моего командования 2-й ОКА впервые на Сахалин и на Камчатку были введены войска. На Камчатке расположилась 100-я дивизия под командованием А.М. Городнянского, который потом в Великой Отечественной войне командовал 12-й армией и героически погиб в Харьковской операции. На Сахалине была поставлена дивизия под командованием Макаренко.

Данных о группировке противника вдоль границы не было, мы не знали, какие укрепления у японцев. Разведка была провалена. Пришлось создавать ее заново и взять на себя смелость и ответственность за то, чтобы начиная от границы Забайкальского военного округа вдоль всей границы по Амуру и Уссури произвести аэрофотосъемку, получить нужные данные. Об этом я доложил К.Е. Ворошилову. Вместе с командующим ВВС 2-й ОКА П.Ф. Жигаревым мы определили зоны, точно проложили маршруты, установили контрольные пункты. Сфотографировали всю границу, сделали плановый снимок. Проявили, дешифровали, представили в Наркомат обороны, в Генштаб. К.Е. Ворошилов был очень доволен выполненной работой. Эта съемка нам очень здорово помогла в организации мероприятий по усилению обороны всей приграничной линии советского Дальнего Востока.

Словом, в 1938–1939 годах мы готовились на Дальнем Востоке отразить любое нападение. Местные органы власти оказывали нам в этом большую помощь. Всю работу приходилось вести в напряженной внешнеполитической обстановке. На Дальнем Востоке японцы неоднократно нарушали границу, осуществляли враждебные вылазки, которые участились, когда мы начали укреплять Камчатку. Были случаи, когда к Камчатке, где командовал войсками Городнянский, подходили японские корабли и предъявляли ему ультиматум; японцы заявляли, что мы незаконно разместили там войска, обещали с нами расправиться, требовали убираться вон и т. д. Начинался конфликт, как правило, с того, что японцы, открыто и нагло вторгаясь в наши территориальные воды, ловили рыбу. И когда советские катера пытались этому воспрепятствовать, японцы подводили военные корабли и наводили орудия на Петропавловск, на позиции войск. Бывали моменты, когда мы находились буквально на волосок от открытого военного конфликта. Нужно отдать должное командирам, и особо мне хочется отметить комдива Городнянского, он обладал не только высокими боевыми качествами как командир дивизии, но и был еще политическим руководителем, правильно ориентировался в сложной ситуации, самостоятельно принимал решения, поскольку связь у него с командованием была только по радио.

Были отдельные нарушения приграничного режима и на Сахалине, но конфликты там были более мелкие, и таких угрожающих ситуаций, как на Камчатке, не было. Ну а когда нарушалась граница по Амуру, то штаб армии, лично я быстро вмешивались и предотвращали всякого рода наглые вылазки; японцы пытались захватить острова или проливы, даже делали попытки высадить небольшие десанты, чаще всего в протоке Казакевича. Так что конец 1938 и весь 1939 год я все время был в состоянии боевого напряжения. За все годы службы, сначала в Монголии, а затем на Дальнем Востоке, у меня, разумеется, не было ни одного выходного дня. Я не ездил в отпуск, и даже не возникал вопрос о том, что я могу поехать отдохнуть. Вот такова была обстановка. Обо всем, что происходило на Дальнем Востоке, я постоянно докладывал в Москву. Нужно отдать должное ЦК, И.В. Сталину, наркому обороны К.Е. Ворошилову, Генштабу – они понимали обстановку на Дальнем Востоке и уделяли армии исключительное внимание. За период командования 2-й ОКА меня дважды вызывали с докладами на Главный военный совет в Москву, где рассматривались вопросы боевой и мобилизационной готовности армии...

В 1939 году состоялся XVIII съезд ВКП(б). Я был избран делегатом от Хабаровской партийной организации. На этом съезде меня избрали кандидатом в члены Центрального комитета. Перед выборами руководящих органов партии я был приглашен на заседание Совета старейшин. Когда началось обсуждение моей кандидатуры, Сталин спросил, как я оцениваю деятельность Мехлиса, начальника Главпура, и какое у меня к нему отношение? Я ответил, что оцениваю его деятельность отрицательно, потому что он ведет неправильную линию по отношению к командным кадрам. Прямо, открыто сказал, что он завел на командиров и политработников черные списки. Это недостойно. Сталин задал второй вопрос, спросил, какие у меня взаимоотношения со Штерном. Штерн был командующим 1-й ОКА. Я ответил, что личные отношения нормальные, а по службе – плохие, так как товарищ Г.М. Штерн хотел бы коман-

довать всем Дальним Востоком, а я считаю, что его претензии необоснованные. Интересно, что даже такая деталь не ускользнула от Сталина. Это показательно. Он хорошо знал кадры, знал и взаимоотношения. Счел необходимым в присутствии всех задать такой вопрос, я ответил прямо, как надлежит коммунисту.

После съезда я вернулся в Хабаровск и там, продолжая работать с тем же напряжением, неожиданно получил сообщение от наркома С.К. Тимошенко, из которого следовало, что Дальний Восток – единый театр военных действий, поэтому в оперативном отношении было бы разумно объединить все находящиеся там войска под единым командованием. В связи с этим Штерн назначается командующим объединенными армиями и образуется Дальневосточный военный округ. Меня же предполагают назначить командующим Забайкальским военным округом. Я не возражал и летом сорокового года переехал в Читу, где находился штаб округа.

Вступив в командование Забайкальским военным округом, я в первую очередь занялся вопросами подготовки театра военных действий. На территории округа начала формироваться 16-я армия под командованием М.Ф. Лукина. Летом 1940 года была развернута 17-я армия, командовал этой армией П.А. Курочкин. Там, на маневрах, я познакомился с командиром 65-й стрелковой дивизии П.К. Кошевым. Петр Кириллович был подготовленным, сильным командиром. Он был очень активным, упрямым до невозможности, всегда отстаивал свое мнение. Крепко работал с войсками, учил дивизию, и дивизия у него выглядела прекрасно. Я не случайно обращаю внимание на хорошо подготовленных командиров, это имело большое значение в последующем. Одним из корпусов в армии М.Ф. Лукина командовал В.Я. Колпакчи. Гибкий, умный, находчивый, отлично подготовленный командир. Корпусом командовал уверенно. Я был доволен, что в Забайкальском округе был сильный комсостав. Не могу не вспомнить и о 78-й стрелковой дивизии, которой командовал А.П. Белобородов. Эта дивизия потом прекрасно показала себя в битве под Москвой.

В конце лета 1940 года С.К. Тимошенко направил всех своих заместителей для проведения в округах больших тактических учений с боевой стрельбой. В Забайкалье такое учение приехал проводить заместитель наркома обороны Г.И. Кулик, оно проходило в лагере под Иркутском, Иркутск тоже входил в Забайкальский военный округ. Мне понравилось, что нарком обороны крепко взялся наводить порядок в армии, проверялась боевая готовность войск не отвлеченно, не на основании докладов, а конкретно, в деле, самым главным было то, как войска умеют действовать на поле боя. Хорошая школа, хорошие методы, они заслуживали одобрения.

В декабре 1940 года С.К. Тимошенко, продолжая линию на повышение боевой готовности Красной армии, решил провести военную игру с руководящими командными кадрами округов и армий. С этой целью все командующие вместе с начальниками своих штабов были приглашены в Москву. Наркомат обороны подготовил ряд докладов по основным проблемам оперативного искусства и тактики в современных условиях. О современной наступательной операции на этом совещании доклад сделал Г.К. Жуков, он тогда был командующим Киевским Особым военным округом. Об использовании танковых войск в современной наступательной операции доклад сделал Д.Г. Павлов, в то время командующий Белорусским округом. По общим вопросам боевой и оперативной подготовки войск доклад сделал К.А. Мерецков, начальник Генерального штаба. Изложенные на совещании идеи отвечали современным требованиям ведения наступательных операций, учитывали и внешнеполитическую обстановку и правильно нацеливали руководящие кадры на то, как в дальнейшем вести подготовку Вооруженных сил в случае нападения фашистской Германии. Все концепции были обоснованы, целесообразны, уместны и правильны, это было обобщение огромного опыта Гражданской войны, обобщение опыта теоретических и учебно-практических занятий мирного времени с учетом войны Германии на Западе. Важно отметить, что все докладчики и все выступавшие отчетливо понимали, что противостоит нам – Германия. Поэтому меня удивляют попытки

некоторых буржуазных историков представить дело таким образом, что советские командные кадры были темными людьми, в политической ситуации разбирались плохо, глубоким пониманием политических проблем не отличались.

Необходимо было готовить страну к обороне и учить войска тому, что требуется на войне. Так поступали все, начиная с наркома обороны и кончая младшими командирами. С заводских конвейеров уже сходили новые современные танки. Все было подготовлено к запуску в серию современных самолетов. Руководители округов знали, какую огромную программу выполняла оборонная промышленность.

На декабрьском совещании все говорили о том, что обстановка сложная, надо держать армию в полной боевой готовности. Командные кадры требование ЦК и Наркомата обороны четко уяснили. Совещание завершилось оперативно-стратегической игрой на Западном театре военных действий. В этой военной игре участвовали две группировки – «синие» и «красные». «Красная» – советская сторона, «синяя» – немецко-фашистская армия. Игра прошла очень интересно. Из нее были сделаны правильные выводы, Сталин счел необходимым лично провести разбор, пригласив в Кремль ее участников.

После совещания и военной игры в армии произошли кадровые перестановки. В частности, в январе 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал армии Г.К. Жуков. Кроме того, в этот же период были произведены изменения в руководстве округами. Меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом, а на мое место был назначен Курочкин, командующий 17-й армией. Когда в связи с новым назначением меня принял С.К. Тимошенко, он сказал, что меня берут на основное западное направление на Северо-Кавказский военный округ, обстановка может сложиться так, что это будет важнейшее ударное направление, и закончил: «Мы рассчитываем на вас. Будете представлять ударную группировку войск в случае необходимости нанесения удара». Так мне лично и доверительно сказал нарком. Впервые предаю это гласности.

В Смоленском сражении

В конце января 1941 года я прибыл в Ростов и вступил в должность командующего Северо-Кавказским округом. Начальником штаба был генерал-майор Злобин, отличный командир, хорошо подготовленный в оперативном отношении. Заместителем командующего округом – Макс Семенович Рейтер. Членом Военного совета – И.П. Шекланов. Сразу же после прибытия я ознакомился с войсками, провел оперативную военную игру на картах. Международная обстановка накалялась. Северо-Кавказский округ не являлся приграничным, но я все же решил изучить его территорию как возможный театр военных действий, объехал все побережье Черного моря в границах округа, исколесил его вдоль и поперек, ознакомился с береговыми батареями военно-морского флота, путями сообщения, связью.

В результате всех этих поездок я пришел к выводу, что Северо-Кавказский военный округ не готовился к войне. А война, как известно, пришла потом и на эту территорию. Особым докладом о состоянии театра военных действий я донес наркому обороны о необходимых мерах по подготовке округа, наметил ряд срочных инженерно-строительных работ, целью которых было создание инженерных укреплений на наиболее важных оперативных направлениях. И войска начали строить оборонительные рубежи. Дивизии округа были скадрированы. К концу апреля – в начале мая 1941 года округ по директиве Генштаба приступил к призыву приписного состава для полного укомплектования дивизий до штатов военного времени. В мае я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии. Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского округа, я вступил в командование 19-й армией и получил личные указания С.К. Тимошенко: под видом учений до конца мая войска и управление армией перебросить на Украину в район Белая Церковь – Смела – Черкассы. В состав 19-й армии уже на Украине вошел 25-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора С.М. Честохвалова.

Отправка 19-й армии проходила в совершенно секретном порядке, никому, кроме меня, не было известно, куда войска перебрасываются и зачем. Они выдвигались в указанные районы и сосредоточивались в палаточном лагере.

Подчеркну: за три недели до начала войны заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины.

Еще в Москве я получил задачу от С.К. Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота».

Штаб 19-й армии размещался в Черкассах. Я прибыл туда в начале июня, а 18 июня выехал в штаб Киевского военного округа для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии. Армия не входила в состав Киевского особого военного округа и не предназначалась для действий в составе Юго-Западного фронта.

Прибыв в штаб округа утром, я, к сожалению, не успел попасть к командующему М.П. Кирпоносу, мне сообщили, что он болен... Отправился к начальнику штаба М.А. Пуркаеву. Я хорошо его знал еще по Московскому военному округу, когда командовал 17-й дивизией, а он был заместителем начальника штаба Московского округа. Но, к сожалению, от него я не получил ясной картины обстановки. Тогда я направился к члену Военного совета Вашугину. Беседа носила дружеский характер, но узнать от него что-либо новое мне также не удалось. Должен сказать, что в общем Вашугин как член Военного совета произвел на меня очень хорошее впечатление. Впоследствии я узнал, что в первые дни неудачных боев на юго-западном

направлении он покончил жизнь самоубийством. Для меня было это совершенно неожиданно и непонятно, поскольку Вашугин был очень выдержанным и спокойным человеком, настоящим коммунистом.

Не прояснили ситуацию ни мой давний приятель, заместитель командующего войсками округа, Всеволод Яковлев, с которым я вместе учился в Военной академии имени Фрунзе, ни генерал-майор А.И. Антонов, заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению. И вот, проходя из кабинета в кабинет по коридорам и холлам прекрасного здания штаба Киевского военного округа – теперь здесь ЦК КП Украины, – я неожиданно столкнулся с полковником Иваном Христофоровичем Баграмяном. Он в то время был начальником оперативного отдела штаба округа и спешил на доклад к М.А. Пуркаеву.

Я знал И.Х. Баграмяна с 1928 года. Летом 1928 года мы, в то время оба командиры полков, вместе отдыхали в Гурзуфе, подружились и друг другу доверяли. Через полчаса, когда Иван Христофорович вернулся, мы вместе с ним в его кабинете заслушали донесение начальника разведотдела. Как только разведчик открыл карту юго-западной границы округа, бросилась в глаза большая плотность условных знаков, нарисованных синим карандашом, а синим цветом, как известно, обозначают противника... Видно было, что на границе Советского Союза сосредоточивается большая немецкая группировка: моторизованные дивизии, корпуса, штабы, сосредоточение танков, авиации; на карте были зафиксированы и пролеты вдоль нашей границы немецких самолетов. Никаких сомнений быть не могло – это развертывалась ударная группировка противника для наступления. Я задал Ивану Христофоровичу и начразведки один вопрос: «Знает ли об этом Москва, нарком обороны и Генеральный штаб?» – «Да, знает, – был ответ, – мы ежедневно докладывали об этом в Москву». И добавил, что, видимо, завтра или послезавтра Военный совет и штаб округа выедут на передовой командный пункт в район Тернополя, будут там в полной боевой готовности.

У меня, как и у каждого военного, мог быть только один вывод: да, это война.

Вернувшись в штаб своей 19-й армии в Черкассы, я отдал все распоряжения о боевой готовности войск и попросил по телефону начальника Генерального штаба Г.К. Жукова разрешить мне вылететь в Ростов в штаб округа, так как от должности командующего войсками Северо-Кавказского округа я освобожден не был. Необходимо было лично дать ряд распоряжений, познакомить штаб округа с обстановкой на границе и привести войска округа в полную боевую готовность. Г.К. Жуков разрешение дал и попросил меня, чтобы в Ростове я никуда не отлучался от провода правительственной связи ВЧ.

В Ростов я прибыл вечером двадцатого. В ночь на 22 июня находился у себя на квартире. В два часа ночи 22 июня раздался звонок по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. «Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности». Вместе с членом Военного совета Шеклановым, начальником особого отдела Королевым рано утром в четыре часа на своем самолете СИ-47 я вылетел из Ростова в Черкассы. По всему маршруту был ливневый дождь, мы шли на бреющем полете при плохой видимости. Взяли за ориентир Днепр и по Днепру шли на Черкассы. Пролетая район Запорожья, не без риска прошли над проводами высокого напряжения Днепровской ГЭС.

Прибыв около пяти часов утра в штаб 19-й армии, я выяснил, что ни начальник штаба, никто в штабе не знает, что началась война. Тут же дал команду объявить боевую тревогу, рассредоточил войска, доложил в Генштаб, что я на командном пункте в Черкассах и войска армии находятся в полной боевой готовности.

Весь первый день войны штаб армии получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошел для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии

не было установлено противником. На второй или третий день нарком обороны С.К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район города Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского УРа, по реке Тетерев, и далее по периметру этого укрепленного района.

Отдав приказ войскам о выходе в район Киева, я с начальником штаба Рубцовым и членом Военного совета Шеклановым с первым эшелоном штаба на автомашинах выехал в Киев. По прибытии в Киев, не теряя времени, получил ориентировку от заместителя командующего округом Яковлева и тут же выехал на рекогносцировку укрепленного района. К моему великому удивлению, в Киеве никаких войск не было, кроме артиллерийского училища под командованием генерала С.С. Волкенштейна. Киевский укрепленный район, который строился еще в мирное время, был в запущенном состоянии, все заросло травой и бурьяном, пулеметные и артиллерийские бетонированные сооружения не имели оружия. Личный состав, офицеры и солдаты, призывались из запаса.

Видимо, в последние годы считали, что Киевский УР не нужен. Не хочу кого-либо в этом обвинять, но получилось так, что новые УРы по государственной границе еще не были готовы, а старые были уже в состоянии, мягко говоря, консервации.

Увидев столь безотрадную картину, я поехал в ЦК Компартии Украины к секретарям ЦК М.А. Бурмистренко и Д.С. Коротченко, информировал их о задаче 19-й армии, о состоянии оборонительного рубежа перед Киевом, попросил их немедленно мобилизовать население для строительства обороны вокруг Киева.

Противовоздушная оборона Киева находилась в полной боевой готовности и действовала. Руководил ПВО заместитель командующего округом Яковлев. Мною был отдан приказ войскам 19-й армии занять оборону по рубежу старого УРа и высотам, прикрывавшим подступы к Киеву. В момент, когда управление армии и ее головные части уже подходили форсированным маршем к Киевскому укрепрайону, меня вновь вызвал по ВЧ нарком обороны С.К. Тимошенко и спросил, может ли моя армия «передвигаться бегом». Создалась очень сложная обстановка на западном, московском направлении. С.К. Тимошенко передал следующее распоряжение: «Положение на Западном фронте угрожающее. Противник продолжает развивать наступление на Смоленск. Армию по тревоге грузить в эшелоны в том порядке, в каком части будут подходить к станциям погрузки, и перебрасывать на западное направление, в район Рудни, Орши и Смоленска. С прибытием управления армии на Западный фронт лично получите указания в штабе фронта». Разумеется, никакого плана перевозки составить было невозможно, и все делалось в порядке распорядительном.

В первую очередь на станции Дарница было погружено управление 19-й армии с полком связи. Были отданы распоряжения о погрузке частей армии на тех станциях, к которым войска подходили, выполняя приказ занять Киевский оборонительный район. В первые эшелоны были погружены некоторые дивизии, средства управления, тыловые части и подразделения, а главные силы пришлось отправлять позже, по мере их подхода к железнодорожным станциям.

Сразу после отправки из района Киева (на станциях Золотоноша, Дарница, Фастов и др.) эшелоны армии подвергались непрерывным ударам с воздуха. И далее на станциях Конотоп, Узел, Брянск и в районе Смоленска наши эшелоны постоянно бомбила вражеская авиация. Мне самому в головном эшелоне с управлением 19-й армии удалось проскочить просто чудом. Наш эшелон был атакован авиацией противника, но уже при разгрузке на станции Рудня. К счастью, все обошлось благополучно. Пострадали отдельные вагоны, а личный состав, управление и средства связи остались целыми и невредимыми. Что же касается передвижения 19-й армии, то, поскольку наскоро составленный и без того не выдерживающий критики график движения был нарушен, ее войска прибывали в район сосредоточения разрозненно и не могли быстро организовать для вступления в бой. Мои неоднократные переговоры с наркомом путей сообщения Л.М. Кагановичем об ускорении движения эшелонов в район сосредото-

ния не давали должного результата. Да и что мог сделать Каганович, когда в воздухе господствовала неприятельская авиация, борьбы с нею наша авиация почти не вела. Железные дороги ничем прикрыты не были. Отдельные эшелоны 19-й армии загнали даже на Валдай; в связи с рассредоточением движения и разрушением железнодорожных узлов приходилось менять маршруты и перебрасывать эшелоны вместо Смоленска – Витебска к Валдаю. Хорошо прошла перевозка лишь 129-й дивизии Городнянского и 127-й дивизии Корнеева. Эти дивизии, погрузившись первыми, прошли вслед за эшелонами управления армии довольно удачно. Что касается остальных дивизий армии, то некоторые из них, проследовав вплоть до станции Бологое, потом поворачивали назад и были разгружены на станциях к востоку от железных дорог Полоцк – Ржев и Смоленск – Вязьма.

Все это чрезвычайно усложнило сосредоточение армии. Однако, скажем, 34-й корпус под командованием генерала Хмельницкого выдвинулся в район к западу от Смоленска, и на марше к нему присоединились отдельные части и подразделения 19-й армии. В ряде пунктов корпус Хмельницкого оказал сопротивление немцам и развернул достаточно серьезные бои. 25-й стрелковый корпус, в состав которого входили 129-я и 127-я дивизии, вступил в бой более организованно и принял участие в боях за Смоленск.

129-я дивизия под командованием Городнянского была направлена мной для удара по противнику к северу от Смоленска, а 127-я дивизия, находившаяся в районе Соловьевской переправы, должна была нанести удар с юга, с Рославльского шоссе. К этому времени 19-й армии была подчинена 220-я дивизия. В состав этой дивизии, называвшейся танковой, но у нее на самом деле не было ни одного танка, а лишь пехота и артиллерия, вошли отступавшие с запада подразделения и части разрозненных дивизий, действовавших здесь раньше, до прибытия войск 19-й армии. Благодаря своевременно развернутой на витебском направлении 220-й дивизии нам удалось задержать противника на довольно значительное время и нанести удар передовым частям немцев, двигавшимся от Витебска на Смоленск.

Как только головные эшелоны разгрузились близ города Рудня, штаб 19-й армии был сейчас же переброшен в назначенный пункт – в леса в районе станции Рудня, а я отправился на командный пункт Западного фронта, который размещался к этому времени в Гнездове (это дачный район под Смоленском). Я прибыл на КП Западного фронта под утро. По всему Смоленску, по всем его пригородам противник непрерывно наносил бомбовые удары. Канонада была настолько сильна, что заглушала разговоры в штабе фронта. Деревянный домик, бывшая дача, в которой размещался маршал Тимошенко, все время сотрясало взрывными волнами.

Тимошенко сориентировал меня в обстановке и отдал распоряжение на рассвете выехать в Витебск. «На подступах к Витебску ведет бой корпус Могилевчика. По моим данным, там находится до пяти наших дивизий, но обстановка не ясна. Поезжайте в Витебск лично и по прибытии по ВЧ из обкома доложите обстановку, сложившуюся в этом районе», – закончил разговор Тимошенко.

Начальник штаба Западного фронта маршал Шапошников тоже достаточно спокойно реагировал на бомбардировку, которая велась буквально по району расположения штаба. Шапошников дополнительно объяснил обстановку на фронте и пожелал мне успешного выполнения задачи. Тоже обеспокоенный тем, что сосредоточение 19-й армии проходило неорганизованно, он попросил меня по мере прибытия частей как можно скорее вводить их в бой. Зашел я и к члену Военного совета фронта генералу Мехлису. Должен сказать, что Мехлис держался мужественно, даже бесстрашно.

На командном пункте фронта я пробыл примерно около часа, а затем выехал двумя машинами в Витебск. Я – впереди, на ЗИС-101, за мной – командующий артиллерией генерал Камера. Как только мы выехали из леса на шоссе Смоленск – Витебск, нас сразу же атаковала пятерка «Хейнкелей». Они патрулировали это шоссе. Я, шофер Яковенко и адъютант Лобов едва успели выскочить в кювет, как вспыхнула и взорвалась машина. Все пожитки, походное

обмундирование и снаряжение тут же сгорели. Видя, что самолеты противника делают второй заход, я сделал перебежку и залег в кювете. Утро было замечательное, солнечное, раннее. Видимость изумительная. На зеленом фоне генеральские шевроны и красные лампасы были отчетливо видны. Самолеты сделали пике, пошли на новый заход...

Меня обдало комьями земли и оглушило. Я оказался между двумя воронками. Ранен я был легко, несколько мелких осколков попало в бедро. Адьютант Лобов был тяжело контужен, пришлось его тут же отправить в госпиталь. Шофер Яковенко, раненный в шею, остался в строю. Вот так началась моя боевая служба на Западном фронте.

После обстрела, добыв полуторку, мы вместе с шофером вернулись в штаб армии в Рудню, где я выслушал доклад начальника штаба Рубцова. Затем с группой офицеров и членом Военного совета Шеклановым снова выехал в Витебск, чтобы разобраться в обстановке и установить связь с генералом Е.А. Могилевчиком.

По шоссе навстречу нам двигался беспорядочный поток – машины, повозки, лошади, колонны беженцев и среди них немало военных. Все спешили в сторону Смоленска. Движение наших машин в направлении Витебска совершенно исключалось. Шоссе было забито. Я решил с офицерами штаба навести на шоссе порядок, дал команду всех военных задерживать, организовывать подразделения пехоты, отдельно собирать артиллеристов, танкистов и направлять всех обратно к Витебску. К моему удивлению, от Витебска в сторону Рудни двигались даже танки – несколько тяжелых КВ и несколько Т-26. Особенно странно было видеть отступающие танки новых образцов. Три таких танка КВ двигались на Рудню якобы в ремонт. Буквально угрожая оружием (просунув револьверы в люки механиков-водителей), мы остановили эти танки, кстати, они оказались исправными, и взяли их под контроль. Таким путем удалось к вечеру собрать около батальона пехоты, батарею 85-мм зенитных орудий и батарею 122-мм пушек армейской артиллерии.

Подойдя к Витебску с востока, мы увидели пожары в отдельных местах. К западу от Витебска никакого движения не обнаруживалось. По всем признакам Витебск не был немцами занят, а пожары возникли при отходе наших войск. Из здания обкома партии валил густой дым, не могло быть и речи о том, чтобы связаться по ВЧ со штабом Западного фронта и доложить обстановку. На центральной площади я увидел людей. Окликнул. Оказалось, что это остатки 17-й Горьковской дивизии, которая была разбита в приграничном сражении. Уцелел в этой битве работник штаба майор Рожков с группой тыловиков. Он прибыл на грузовой машине в Витебск и, обнаружив, что войск в городе нет, сформировал из местных жителей-осоавиахимовцев роту и приказал ей занять мост через Западную Двину, а сам остался организовывать оборону в центре города.

Нужно отдать должное этому бесстрашному майору. Я немного знал его еще по 17-й дивизии. Он в мирное время был примерным командиром и на войне не растерялся... Он всерьез решил оборонять город и даже разведку организовал. Когда посланные мною офицеры к утру прибыли в Витебск, Рожков доложил, в частности, что к рассвету немцы подошли к Витебску и пытаются форсировать Западную Двину. Часть войск неприятеля – подвижные механизированные и танковые подразделения – по западной стороне реки проследовала к северо-западу.

К сожалению, удержать Витебск не удалось. Я провел всю ночь на подступах к Витебску, на его восточной окраине, на высоте. Город и вся прилегающая местность были мне прекрасно видны. Начали подходить части 220-й дивизии. Я принял решение развернуть дивизию, включив в нее собранные на шоссе подразделения. К этому времени противник выдвинулся на западную окраину Витебска, смял роту осоавиахимовцев, занял аэродром. Головные части 220-й дивизии, танковый батальон (танки Т-26), а также артиллерийский полк расположились по шоссе, ведущему на Смоленск.

Я поставил задачу – взять Витебск, закрепиться по реке Западная Двина, с тем чтобы преградить немцам путь по шоссе. Оно имело очень важное оперативное значение. Приказал развернуть артиллерию, произвел разведку. Одна из батарей развернулась на высоте, где я сам находился. Артиллеристы начали пристрелку по немецким батареям, которые вели огонь с северо-западной окраины Витебска. Немцы тотчас же открыли ответный огонь. Первый снаряд – перелет, второй – недолет. Говорю командиру батареи: «Дорогой друг, имей в виду, направление немцы выбрали правильное, следующий удар будет по вашему наблюдательному пункту». Приказываю ему сейчас же сместиться вправо или влево, изменить положение, потому что немец накроет: попали в вилку. А сам кубарем метров на пятьдесят откатился в ложбинку. И вот немцы дают следующую очередь – беглым огнем несколько снарядов, прямо по наблюдательному пункту, по стереотрубе, телефонам и по самому командиру батареи. От него ничего не осталось, от наблюдателя тоже.

Далее мне самому пришлось командовать этой батареей, вести огонь по немецким орудиям, пока не прибыл командир дивизиона. Он сменил наблюдательный пункт, организовал управление. Дивизия выбила немцев из Витебска. Укрепившись, перешла к обороне, надо было задержать наступление противника на этом направлении.

В период боев за Витебск слева и справа я слышал канонаду. Оказывается, это воевала мотострелковая дивизия Я.Г. Крейзера, а правее нее – части армии генерала Ф.А. Ершакова. Таким образом, велся уже организованный бой, немцам было оказано упорное сопротивление. Но превосходство сил было на стороне врага...

220-я дивизия вынуждена была отойти на высоты восточнее города. Но немцы уже не могли развивать наступление с ходу вдоль шоссе, идущего через Оршу на Смоленск, и по шоссе от Витебска. Ощувив на этом направлении сильное сопротивление, они начали маневрировать и направили 3-ю танковую группу Гота в обход Витебска, севернее, чтобы обойти советские войска более глубоко.

В эти дни наши войска дрались буквально за каждую выгодную позицию.

Я доложил С.К. Тимошенко об обстановке в районе Витебска и возвратился в штаб 19-й армии, в район Рудни. Прибыв на место, установил, что распоряжением штаба фронта штабу 19-й армии приказано перебазироваться. Штаб был отведен в район станции Кардымово восточнее Смоленска. Начальник штаба Рубцов уже снялся с места и уехал с оперативным отделом, разведотделом и связью на новый командный пункт, а в Рудне остались лишь тыловой пункт управления и отдельные офицеры.

Я решил поехать в 34-й корпус и по пути туда в лесу встретил А.И. Еременко, заместителя командующего Западным фронтом. Он сказал, что уже побывал в 34-м корпусе и недоволен действиями комкора Хмельницкого. В резкой форме Еременко совершенно необоснованно обвинил меня в том, что я лично не сумел остановить противника, который прорывается к Смоленску, обходя Витебск северо-западнее и одновременно обходя Оршу. Разговор был неприятный. Я дал Еременко отпор, заявив, что, если он считает необходимым, чтобы я лично пошел в атаку, в этом отношении затруднений не будет, но для меня сейчас важно взять в руки управление прибывшими частями. Вмешательство штаба фронта в данном случае было совершенно неуместным, нельзя было перемещать командный пункт без моего ведома.

В результате всех этих малоприятных разговоров нам удалось все же найти общий язык. Еременко поехал в штаб фронта, а я в войска, в корпус Хмельницкого. К сожалению, самого Хмельницкого я не нашел, но попал в район Смоленска ко времени, когда отдельные части и подразделения противника уже подошли к Смоленску, а 129-я дивизия Городнянского, развернутая в боевые порядки, как на учении, смело начала атаку с севера вдоль шоссе (немцы ворвались в город 15 июля с юга). Сам Городнянский находился в боевых порядках под огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Ему удалось вытеснить противника, занять всю северную и западную часть города.

На противоположной стороне Днепра положение оставалось довольно неопределенным. К вечеру мне удалось добраться до 127-й дивизии Корнеева. Дивизия была собрана, организована и продолжала двигаться к Смоленску; ночь захватила ее боевые порядки в нескольких километрах от города. Мы с командиром дивизии отдали необходимые распоряжения, подчинив себе разрозненные части и подразделения отходящих войск, имея в виду с утра перейти в наступление. Но в четыре утра началась внезапная атака противника, поддержанная большим количеством танков и авиацией. Немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия – артиллерии, минометов, пулеметов, танков с места – и применили большое количество пиротехники, ракет, стремясь ошеломить наших бойцов всеми этими эффектами.

Дивизия не имела танков. Артиллерии было недостаточно, и она еще не была полностью сосредоточена. Мы располагали только легким дивизионом 45-мм пушек, дивизионом 76-мм пушек, и еще были полковые батареи. Гаубичный дивизион еще не прибыл. Дивизия не дрогнула, приняла бой, но под натиском превосходящих сил врага вынуждена была последовательно отходить от рубежа к рубежу, опираясь при отходе правым флангом на Днепр, а левым – на высоты. Дивизия отходила вдоль Рославльского шоссе. Потом под угрозой охвата противником, который, создав сильную ударную группировку, стремительно пробивался к Рославлю, дивизии пришлось все время погибать левый фланг таким образом, что в результате боя она оказалась перед высотами у Соловьевской переправы.

Попытки противника смять 127-ю дивизию и с ходу захватить переправу были отбиты. Включив в 127-ю дивизию большое скопление отступавших в беспорядке людей, я организовал и возглавил атаку на высоты перед переправой. Противник еще не успел окопаться. Когда началась наша атака, немцы открыли ураганный огонь. Невзирая на потери, мы продолжали атаковать и сблизилась с противником на расстояние порядка 200–300 м. Это было стрелковое подразделение немцев, поддержанное бронетранспортерами и минометами. Танков не было, танки устремились на Рославль. Над полем боя появились немецкие пикировщики, они сбросили большое количество термитных разрывных бомб, так называемых «лягушек». Весь боевой порядок, наступавший со мной на высоты, разумеется, залег. Мы понесли потери.

Приказ командующего Западным фронтом передать все действующие в районе Смоленска части в подчинение командарма 16-й М.Ф. Лукина, а 19-й армии с управлением перейти в район станции Кардымово с последующим выходом в район станции Ярцево, отданный 14 июля, до меня был доведен с большим опозданием. Штаб армии, выполняя этот приказ, продолжал отходить в Кардымово, а я вновь встретился с А.И. Еременко в районе Смоленска. Он заявил, что выезжает в район Рудни, там противника пока еще нет. К Рудне выдвигался уже 25-й корпус 19-й армии под командованием генерала Честохвалова.

Мы с товарищем Еременко назначили встречу на высотах западнее Рудни...

У шоссе, идущего от Витебска на Рудню, я увидел брошенную 45-мм пушку с несколькими снарядами, а возле нее артиллериста. Чтобы поставить орудие на более выгодную позицию, мы вытянули его с обочины прямо на шоссе. Пока мы эту операцию проводили, подполковник Чернышев, мой адъютант для поручений, вел наблюдение в бинокль, и вот он вдруг докладывает: «Товарищ командующий, из леса выходят на шоссе немецкие танки».

Смотрю, действительно танки с крестами и свастикой. Тогда я встал к орудью, прицелился за первого номера, а тому парню-артиллеристу скомандовал: «Огонь!» Пальнули из пушки – и попали в передний танк. Облако дыма... Немцы, однако, быстро пришли в себя, стали разворачивать танки. Пришлось ретироваться, сперва на машине, она была под рукой; а когда машина, как назло, застряла у деревни Рудни на огороде, – бросить ее и перебежать, укрываясь от огня за домами. Начальника политотдела, бывшего со мной, ранило в руку... Перемахнули через забор, по овражку вверх, а за ним на высотке стоял наш бензовоз. Откуда-то подоспела легковая машина, в нее мы втащили раненого и под огнем по шоссе отправили его в штаб армии. Сам я на бензовозе перевалил через высотку, нашел еще какую-то машину

и к вечеру добрался в свой штаб армии, находившийся у станции Кардымово. Приехал, а мне докладывают:

– Получено донесение, что вы убиты... Сообщил генерал Еременко. Он видел, как немецкие танки развернулись и вели огонь по командарму Коневу.

Когда я появился, для всех это было полной неожиданностью, прямо-таки воскрешение из мертвых. Еременко в своей книге «На западном направлении» описал этот эпизод.

В последующие дни бои продолжали идти с большой интенсивностью. Бои под Смоленском приняли уже стойкий, организованный характер... Все попытки противника, его отдельных разведывательных подразделений, танков сломить нашу оборону были безрезультатны... Что касается боев в самом Смоленске, то в связи с превосходством сил противника было приказано наши войска из города отвести.

В этот период в районе станции Вадино на моем командном пункте я вновь встретил маршала Тимошенко. Семен Константинович, продолжая все время находиться в войсках, был обеспокоен моим положением и полагал, что я оказался в окружении. Но я появился со своими подразделениями и штабом 19-й армии, в том числе с полком связи и управлением штаба, которое находилось в районе станции Кардымово, и мы стали сосредотачиваться у станции Вадино. Все остальные подразделения и части 25-го корпуса Честохвалова, 34-го корпуса, 220-й дивизии отходили на рубеж реки Вопь. На рубеже реки Вопь оказались также части и подразделения 24-й армии Резервного фронта. Остатки войск 24-й армии, часть сил 16-й армии и часть сил 30-й армии вошли в состав 19-й армии, которая обрела стройную организационную структуру и перешла к прочной обороне по реке Вопь.

Образовался сплошной фронт. Правее меня, то есть к северу от разграничительной линии, организовалась 30-я армия под командованием Хоменко. Она была сформирована из пограничников. Левее (восточнее Ярцева) приняла оборону 16-я армия.

Эти героические дни борьбы за Смоленск заслуживают того, чтобы о них написать отдельно. Необходимо документально разобраться во всей той обстановке, переписав все части и подразделения, которые героически сражались на подступах и в самом городе Смоленске.

В один из дней августа, когда фронт уже стабилизировался, мне было приказано совместно с командующим соседней армией К.К. Рокоссовским провести операцию по овладению Ярцевом, а затем 19-я армия должна была овладеть Духовщиной. Войска армии в составе нескольких дивизий перешли в наступление 8 августа. Противник контратаковал нас силами своей 7-й танковой дивизии.

Войска 19-й армии сразу же перешли к обороне и с места оказали серьезное сопротивление контратакующей танковой дивизии немцев. Мы впервые применили против немецко-фашистских наступающих войск новый метод – создали так называемые противотанковые районы. Один из таких районов был оснащен 122-мм пушками. А ведь армейская 122-мм пушка – очень сильное орудие с мощным зарядом и очень метко бьет, особенно по танкам. Второй район – по сути, артиллерийский полк – состоял из 85-мм зенитных пушек с бронебойными снарядами, полк кадровый, хорошо обученный. Он стрелял метко, каждым выстрелом выводил из строя немецкий танк.

Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия... Подбито было 113 танков врага.

Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15–16 км и уже были на подступах к Духовщине. К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: «Не сумеете ли вы взять Духовщину?»

В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии». Я ответил: «Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная». Тогда Сталин спросил: «А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?» Я ответил: «Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнбойной армейской артиллерии». – «Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину и будете непрерывно держать ее под огнем». Я принял к исполнению этот приказ.

В периодической печати, в газетах того времени было опубликовано немало очерков о действиях 19-й армии, в том числе хороший очерк в «Огоньке» Евгения Петрова. Неудобно мне самому об этом говорить, но факт есть факт. В печати писали так: «Коневцы наступают». Это было опубликовано и в «Красной звезде», было и в других газетах...

В приказе за номером 02/ОП от 17 августа 1941 года маршал Тимошенко отметил успешные действия 19-й армии. Заканчивался приказ обращением Военного совета фронта: «Товарищи, следуйте примеру 19-й армии. Смелее и решительнее развивайте наступление». В приказе за номером 03/ОП войскам Западного фронта сообщалось о потерях врага. В этих боях войска 19-й армии уничтожили более сотни танков, много орудий и минометов. Враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни легких побед врага миновали.

Несмотря на то что немецко-фашистской группе армий «Центр» удалось за два месяца продвинуться на восток от Днепра на 170 км, это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля, снизили темпы его наступления до 6–7 км в сутки. Группа армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне.

Что касается 19-й армии, то в ней был такой боевой дух, что войска, уверовав в свою силу, были готовы выполнить любую задачу.

В последующем, как известно, развернулись наступательные действия в районе Ельни, – они были успешно проведены Резервным фронтом под командованием генерала Жукова.

Первые наступательные бои Красной армии показали, что мы можем не только остановить врага в оборонительных сражениях, но и переходить в контрнаступление, бить врага, нанося ему серьезные удары, действовать организованно, по всем правилам современного военного искусства.

В сентябре 1941 года немецко-фашистское командование приступило к подготовке главного удара на Москву, и с этой целью противник сосредоточил на московском направлении очень крупные силы. Его группировка имела двух-, трехкратное численное превосходство над противостоявшими ей войсками Западного, Резервного и Брянского фронтов, а на направлении основных ударов превосходство было шести-восьмикратным. Притом войска противника были в высокой степени механизированы, моторизованы, у гитлеровцев было превосходство в танках, авиации, в противотанковой и зенитной артиллерии.

План наступления на Москву получил у немцев кодовое наименование «Тайфун»...

В конце лета и начале осени 1941 года основной заботой Верховного главнокомандования советских Вооруженных сил было сохранение целостности стратегического фронта. В то время резервы Ставки были очень ограниченными, и по мере готовности они сосредоточивались в основном на Московском стратегическом направлении, где были развернуты инженерные оборонительные работы. Вспоминая те грозные дни, должен сказать, что создание стратегической обороны в той обстановке было делом весьма трудным. Сложность положения усугублялась еще и тем, что на северо-западном и юго-западном направлениях продолжались активные боевые действия.

Битва за Москву

12 сентября 1941 года меня назначили командующим войсками Западного фронта. Прибыв в штаб фронта, который размещался в Касне, я уже не застал там командующего фронтом маршала С.К. Тимошенко. Он был назначен главнокомандующим юго-западным направлением и уже отбыл к месту своего назначения, так что принять дела от своего предшественника мне не удалось. Передачу фронта и ориентирование в задачах и обстановке осуществлял начальник штаба фронта генерал Василий Данилович Соколовский.

После наступательных боев войска Западного и Резервного фронтов по указанию Ставки в период с 10–16 сентября перешли к обороне. В составе Западного фронта в тот период находились 22-я армия под командованием В.А. Юшкевича, 29-я армия под командованием И.И. Масленникова, 30-я армия под командованием В.А. Хоменко, 19-я армия под командованием М.Ф. Лукина (назначенного вместо меня), 16-я армия под командованием К.К. Рокоссовского, 20-я армия под командованием Ф.А. Ершакова. Начальником штаба фронта был, повторю, генерал-лейтенант Соколовский. Членами Военного совета были Д.А. Лестев и вернувшийся к этому времени в штаб фронта Н.А. Булганин. Войска фронта оборонялись на рубеже озеро Пено, Андреанополь, Ломоносово, Ярцево, Новые Яковлевичи. Основные силы фронта – 30, 19, 16 и 20-я армии – прикрывали непосредственно московское направление. Группировка войск имела следующее положение: в первой линии обороны стояло 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские; в армейском и фронтовом резервах было 8 стрелковых, 1 кавалерийская и 2 танковые дивизии (около 190 танков старых конструкций); имелось еще 5 танковых бригад, в которых насчитывалось около 260 танков, преимущественно также устаревших конструкций – Т-26 и БТ-7 (они имели легкую броню и по своему вооружению и маневренности значительно уступали немецким). Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7–8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным средством борьбы с танками. Были и такие части, где не доставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок. Дело не в том, что кто-то этого не предусмотрел, а в том, что немцы разгромили ряд складов, находившихся на территории Белорусского военного округа, и оружие приходилось доставлять с центральных складов, которые были от Москвы на большом удалении.

Правее – севернее Осташкова – вели оборонительные бои войска 27-й армии Северо-Западного фронта. Левее – на рубеже верхнего течения Десны от Ельни до железной дороги Рославль – Киров – занимали оборону войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Остальные четыре армии этого фронта занимали оборону в глубине за Западным фронтом по линии Осташков – Оленино – Ельня, составляя резерв Верховного главнокомандования на Западном направлении.

К исходу третьего дня моего пребывания на посту командующего Западным фронтом я был вызван в Ставку. Встреча со Сталиным происходила в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, – это были общие вопросы строительства советской армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров орденами, не следует ли создать отдельные ордена для командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Обороны. Сталин тут же поручил началь-

нику тыла советской армии А.В. Хрулеву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов советской армии.

Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки.

Вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами: укреплением обороны. Оценивая создавшуюся обстановку, мы не могли не видеть, что противник готовится возобновить наступление. 19 сентября мы дали директиву командармам, в которой указывалось, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых частей противника, в частности в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня – Кардымово и на левом фланге 20-й армии. Приказывалось на участках всех армий активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки, главным образом ночью, сильными отрядами (усиленная рота, батальон); действиями разведки и отдельных отрядов держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов. Приказывалось уточнить группировку противника, его стыки, резервы перед фронтом армий и его ближайшие намерения.

В это же время был осуществлен ряд мероприятий, связанных с усилением обороны. К ним относится в первую очередь переход на траншейную оборону. Войска Западного фронта напряженно строили инженерные укрепления, «залезали в землю». Кстати, траншеи впервые появились именно на Западном фронте. До этого в Красной армии была разработана несколько другая организация инженерных сооружений с так называемыми ячейками – отдельными окопами для одного солдата, с нею мы вступили в войну. Война показала, что это неправильно, невыгодно. Полагаться на то, что каждый солдат, каждый воин должен знать свой маневр, нельзя, особенно когда солдат находится в тяжелой обстановке, не видит никакой поддержки. Кроме того, метод одиночных ячеек не дает командиру возможности контролировать действия солдат. А когда солдат находится в траншее, он видит поведение других солдат, они могут его поддержать, он сам может оказать помощь. К тому же в траншеях незаметны всякого рода передвижения, а если эти траншеи с хорошо развитыми ходами сообщения в глубину, то маневр осуществляется буквально под землей, он чрезвычайно выгоден для организации борьбы с наступающим противником. Постепенно мы пришли именно к организации траншейной обороны; наш опыт подхватили другие фронты. Особое внимание на Западном фронте было обращено на организацию системы огня противотанковой артиллерией. Навыки борьбы с немецкими танками, полученные в августовские дни, подсказали и необходимость создавать противотанковые районы. В меру наших возможностей и сил мы их создавали. Создавалась система артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Таким образом, командармы получили приказ создать прочную оборону с выводом войск в резерв. Одновременно велась большая работа по ремонту вооружения и боевой техники, особенно танков и артиллерийских орудий. Несмотря на принятые меры, плотность обороны и в противотанковом отношении, и в артиллерийском была явно слабой. Ощущался острый недостаток стрелкового вооружения.

А тут еще по указанию Ставки пришлось передать две дивизии из созданных армейских и фронтовых резервов, дислоцированных в районе Вязьмы; эти дивизии перебрасывались на юго-западное направление. По этому поводу у меня в 20-х числах сентября состоялся следующий разговор по бодо с маршалом Б.М. Шапошниковым.

«ШАПОШНИКОВ. В связи с переходом вас к временной обороне Верховный главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?»

КОНЕВ. Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование еще не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

ШАПОШНИКОВ. Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

КОНЕВ. Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й – полковник Грязнов. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать ее мотострелковой дивизией».

Дальше Шапошников просил охарактеризовать состав дивизий фронта, выведенных в резерв. Я сообщил ему, что 1-я мотострелковая дивизия имеет два мотострелковых полка, танковый полк и артиллерийский полк; мотострелковые полки насчитывают по 600 человек; танковый полк имеет 45 танков старых образцов; 64-я стрелковая дивизия имеет в каждом полку по 900 человек; гаубичный артиллерийский полк имеет большой некомплект среднего и младшего комсостава. Младший комсостав производим из красноармейцев. Всего в резерв фронта выделены три стрелковые, две танковые и одна мотострелковая дивизии.

«ШАПОШНИКОВ. Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й, можете дать в резерв Ставки?

КОНЕВ. Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Все, что могу сделать для их укомплектования, – сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания – побольше выделить резервов – сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулеметного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130–200 человек. Ваши указания приму к исполнению и все, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но еще стабильность не достигнута. Идут напряженные бои почти на всем фронте армии. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой в направлении Ивашков на участке 22-й армии с тем, чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Все».

Я думаю, что этот разговор довольно ясно характеризует обстановку, состояние обороны и положение войск Западного фронта к двадцатым числам сентября 1941 года.

Продолжая укреплять оборону занимаемых войсками фронта рубежей, мы внимательно следили за характером и поведением противника. К 23 сентября 1941 года в штабе фронта на основании данных разведки сложилось твердое мнение, что противник готовится к наступлению и создает для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами. 25 сентября командование фронта отправило на имя Сталина донесение о перегруппировке авиации противника, и в связи с явным ее усилением и необходимостью своевременного ее уничтожения на аэродромах мы просили Ставку выделить фронту хотя бы один полк бомбардировщиков, а также один полк Ил-2 для штурмовых действий по мотомехчастям противника. Кроме того, мы просили ускорить комплектование матчастью 61-го штурмового авиационного полка и 29-го истребительного авиаполка.

26 сентября фронт вновь направил донесение Верховному главнокомандующему И.В. Сталину и начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову о подготовке противника к наступлению:

«Главковерху товарищу Сталину. Нач. Генштаба товарищу Шапошникову. 26.9.41 года, 15.30. Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск – Смоленск – Кардымово и по шоссе Минск – Смоленск – Ярцево – Бобруйск – Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма – Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленск – Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск. (Последнее показание летчика показалось нам маловероятным, но впоследствии это подтвердилось. Действительно, противник сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий, так что пленный ошибся не очень намного. – И. К.)

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления (показания пленного летчика).

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на ярцево-вяземском направлении, район станции Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре СД и три ТБР. Прошу сообщить, будут ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда?

Конев, Лестев, Соколовский».

В соответствии с нашими выводами о подготовке противником наступления я отдал 26 сентября приказ командующим 16, 19, 20, 22, 29 и 30-й армиями. Этот приказ также считаю долгом воспроизвести здесь:

«Имеющимися данными противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшие дни перейти в наступление в общем направлении – Вязьма. Приказываю:

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника.

2. Подготовить артиллерию для контрподготовки...

3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контратак.

4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.

5. Получение и мероприятия донести...

Конев, Лестев, Соколовский. 26.9.41 года».

Хотя в этом приказе и ставилась задача подготовить артиллерию для проведения контрподготовки, но выполнить ее армии практически не смогли из-за ограниченного количества и артиллерии, и боеприпасов.

В ответ на наши донесения и просьбы мы 27 сентября получили из Ставки директиву. В ней приказывалось перейти к упорной обороне и провести экстренные мероприятия, связанные с укреплением оборонительных рубежей. Директива была явно дана с опозданием, но она подтверждала мероприятия фронтов по усилению обороны, которые уже проводились. Однако в тот же день фронт вновь отдал боевое распоряжение командармам: мобилизовать все силы армий, дивизий, включая и тыловые части и учреждения, с целью закопать все прочно в землю. Вырыть окопы полного профиля и несколько линий с ходами сообщения, построить прово-

лочные заграждения, противотанковые препятствия, дзоты. За счет развития оборонительных сооружений постепенно увеличивать армейские резервы.

Командование всех степеней, штабы, политорганы, войска – все деятельно и активно готовились к отражению наступления гитлеровских войск. Все были проникнуты единым стремлением упорно драться за каждый метр советской земли. Командование фронта ежедневно докладывало в Ставку о готовящемся наступлении противника, принимаемых мерах и планах оборонительных действий и просило Ставку усилить фронт танками, авиацией, а также ориентировать нас, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать в процессе ведения оборонительной операции.

В случае перехода противника в общее наступление с нанесением главного удара на смоленско-вяземском и вспомогательном ржевском направлениях планом оборонительных действий фронта предусматривалось:

1. Жесткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника.
2. В случае прорыва противника в глубину бить его на подготовленных в глубине оборонительных рубежах с одновременным контрударом фронтовых резервов.
3. Контрудары намечалось провести: а) на ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107-й мотострелковой дивизии, находившейся в резерве фронта, и 251-й стрелковой дивизии 30-й армии. В случае необходимости для контрудара привлечь 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии; б) на вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами соединений фронтового подчинения – 134-й, 152-й стрелковых, 101-й мотострелковой дивизий, 126, 128 и 143-й танковых бригад и 45-й кавалерийской дивизии, которые к 1 октября будут сосредоточены в районе Вадино. Контрудар на этом направлении будет поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта.
4. При неуспешности контрударов борьба переносится на подготовленный армейский тыловой рубеж по рекам Вопь и Вопец и далее Анисимово, Красный Холм, Неквасино с созданием необходимых резервов для устойчивой обороны.
5. При наличии успеха в ликвидации наступления противника на одном из направлений освободившиеся силы будут использованы для контратак на другом направлении и на усиление другого направления (имелось в виду маневрирование силами, переброска их с неатакованных участков против наступающего противника на те направления, где он развивает удар. – *И. К.*).
6. Для усиления контрударных групп командование фронта просило Ставку направить нам 30 танков КВ, 30 Т-34 и 2 авиационных полка – один полк штурмовиков и один полк дневных бомбардировщиков. Кроме того, Военный совет фронта просил сообщить, какое усиление Западный фронт может получить в процессе операции.

Все эти соображения по усилению фронта командование фронта доложило также маршалу Шапошникову 28 сентября. Наши просьбы к Ставке были очень скромны, несмотря на то что обстановка складывалась сложная и готовящаяся к наступлению группировка противника представлялась нам по всем данным весьма сильной. В ответ на все наши донесения Ставка направила командованию фронта одну директиву; в ней обращалось внимание на укрепление обороны и на подготовку войск к отражению наступления противника. Никакого усиления фронт не получил, и каких-либо других указаний из Ставки не последовало.

Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника, и в ходе его Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов. А это было необходимо, особенно в условиях имевшей место «чересполосицы». Выше уже говорилось, что две армии Резервного фронта располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями. От того, насколько прочно они смогут удерживать свои позиции, во многом зависело положение армий левого крыла Западного фронта. В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я), находившиеся на полосе Западного фронта, нам не подчинялись. В сложившихся условиях, на мой взгляд,

было бы целесообразнее выделить для каждого из фронтов самостоятельную полосу, что повысило бы ответственность командующих фронтами, упростило взаимодействие и позволило бы гораздо эффективнее использовать имевшиеся силы, особенно армии, располагавшиеся в оперативной глубине обороны.

Каковы же были планы немецко-фашистского командования и группировка войск, которые враг готовил для наступления на Москву? Как стало известно из опубликованных после войны документов немецко-фашистского командования, уже 6 сентября директивой № 35 оно поставило перед группой армий «Центр» следующую задачу:

«Подготовить решающую операцию против группы армий Тимошенко (то есть Западного фронта. – *И. К.*), чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». В директиве указывалось, что «после того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым к верхнему течению р. Волги».

Во исполнение этой директивы командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок 16 сентября издал директиву № 1300/41 о подготовке наступления на Москву. В целях маскировки операция на московском направлении получила кодовое наименование «Тайфун».

Главная цель операции «Тайфун» – сокрушительным ударом разгромить советские войска на московском направлении, а танковыми ударными группировками на флангах окружить наши войска западнее Москвы, в районе Вязьмы и Брянска. В директиве от 7 октября 1941 года командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении операции на московском направлении и, соответственно, уточнялись задачи войскам. Враг планировал без всякой паузы стремительно наступать на Москву, окружить и взять ее. В приказе группы армий «Центр» от 14 октября 1941 года говорится о конечных оперативных целях противника на московском направлении.

Из приказа видно, что фашисты рассчитывали не только захватить Москву, но и выйти на рубеж Рязань, Орехово-Зуево, Загорск, Волжское водохранилище, а своими передовыми частями достичь линии восточнее Рязань, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский и далее по реке Нерли до Волги севернее Кимр. Но и этим не ограничивались планы противника. Его моторизованные части нацеливались захватить Ярославль и Рыбинск.

Я подробно рассказываю о планах врага, чтобы яснее был виден подвиг нашего народа и армии, разгромивших гитлеровцев под Москвой.

Враг был в зените своей военной мощи. Используя ресурсы покоренных стран Европы, он готовился к решительному сражению. Сосредоточив крупные силы на московском направлении, противник рассчитывал сокрушительными ударами закончить войну в свою пользу до наступления зимних холодов.

Как впоследствии стало известно, противник сосредоточил на Московском стратегическом направлении очень большие силы – это была миллионная группировка войск в составе 77 дивизий (из них – 14 танковых и 8 моторизованных), около 2 тыс. танков, до 1 тыс. самолетов, тысячи орудий и минометов и других видов боевой техники. Непосредственно против Западного фронта враг имел 48 отборных, хорошо укомплектованных дивизий.

Как же выглядел на 2 октября наш Западный фронт, который считался в то время самым сильным? При ширине полосы в 340 км он имел 30 слабо укомплектованных стрелковых дивизий, 2 мотострелковые, 3 кавалерийские дивизии и 4 танковые бригады. При сопоставлении наших сил и сил противника нужно иметь в виду, что штатная численность советской стрелковой дивизии в то время была 10 859 человек (фактическая на Западном фронте – 4–6 тыс.), а немецкой дивизии – 16 тыс. человек. Немецкие дивизии к началу операции «Тайфун» были

укомплектованы живой силой, вооружением и боевой техникой. У нас было 479 танков (из них современных – всего 45 единиц), 1524 орудия и 733 миномета. Авиация фронта имела: истребителей (старых образцов) – 106, бомбардировщиков ТБ-3 и СБ – 63, дневных бомбардировщиков Ту-2 – 5, Су-2 – 4, штурмовиков Ил-2 – 8. Особый недостаток войска ощущали в зенитной и противотанковой артиллерии, что при превосходстве противника в авиации и танках создавало большие трудности в борьбе с ними. Надо также учитывать и то, что противник обладал превосходством в продвижении войск. Гитлеровцы располагали большим автотранспортным парком. У нас же, к сожалению, части, соединения, артиллерия и тылы имели конную тягу. Все это давало противнику большие преимущества. В конце сентября перед началом оборонительного сражения я и члены Военного совета фронта объехали войска. Я побывал в 30, 19, 16 и 20-й армиях. Вместе с командармами, членами Военного совета армий и начальниками штабов мы еще раз проверили готовность всех наших мероприятий по отражению наступления противника. У всех нас была полная уверенность, что войска будут драться стойко и мужественно. Мне особенно запомнилась встреча в 20-й армии с командармом Ф.А. Ершаковым и членом Военного совета Ф.А. Семеновским. Я хорошо знал товарища Ершакова. Мы вместе учились в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Это был волевой и подготовленный генерал, хозяин своего слова. Учитывая, что, по данным разведки, противник сосредоточивает крупные силы в полосе Резервного фронта, я обратил их внимание на левый фланг 20-й армии, имеющей разграничительную линию с 43-й армией Резервного фронта, и просил Ершакова смотреть на юг и для обеспечения левого фланга иметь в резерве одну дивизию. Товарищ Ершаков ответил, что понимает, какая ответственность лежит на нем за стык с Резервным фронтом. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить выхода противника во фланг и тыл Западного фронта», – сказал он. Выделить для обеспечения фланга больше одной дивизии он не мог, так как в его армии, оборонявшей 45-километровый фронт, было всего четыре дивизии.

В конце сентября 1941 года началась великая Битва за Москву.

30 сентября немецко-фашистские войска нанесли удар танковой группой по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки.

На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление против войск Западного и Резервного фронтов основными силами группы армий «Центр». Одновременно с атаками переднего края нашей обороны массированными ударами авиации, танков и пехоты вражеская авиация бомбардировала объекты нашего тыла и КП Западного фронта.

Основной удар (силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии) противник нанес в направлении Канютино, Холм-Жирковский, то есть в стык 30-й и 19-й армий. Чтобы представить силу удара врага, достаточно одного примера: против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в сражение 12 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную общей численностью 415 танков. Войска 30-й и 19-й армий проявили огромное упорство, стойко удерживали свои позиции.

Но большое превосходство врага в силах вынуждало нас отходить.

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 км. В результате авиационного удара по командному пункту фронта, находившемуся в Касне, у нас были потери, но, так как все средства связи были укрыты под землей, а руководящие работники штаба были заранее рассредоточены, управление войсками не было нарушено.

С утра 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И.В. Болдина (в состав этой группы входили три танковые бригады, одна танковая и одна стрелковая дивизии, в общей сложности до 250 танков старых образцов), был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фрон-

товых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар. Правда, 19-я армия на большей части своего фронта отбила все атаки врага.

Однако противник овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате обозначился прорыв гитлеровцев к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на Спас-деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения наших 43-й и 33-й армий, 4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий.

Здесь мне хочется внести ясность в вопрос о положении 16-й армии, которой командовал К.К. Рокоссовский, в связи с тем, что в книге В. Соколова «Вторжение» имеется какая-то путаница. На странице 486-й этой книги автор приводит следующий разговор Жукова с Рокоссовским: «Жуков Г.К. «А теперь скажите-ка, уважаемый командарм, как и почему ваша армия попала в окружение?»

Вопрос покорибил Рокоссовского. Он передернул плечами и помимо своей воли скомкал в руке кусок карты. «Что это – издевка?» И вспомнил, как в октябре после отхода по лесам его, Рокоссовского, вместе с членом Военного совета Лобачевым вызвал прежний командующий фронтом, желая сорвать на ком-то злость, встретил гневными словами: «Сами вышли, а армию оставили». Это был несправедливый упрек, который трудно забывается. Ведь к тому времени, когда 16-я армия была в окружении в районе Дорогобужа, он, Рокоссовский, не командовал ею».

Это описание упрека Рокоссовскому прежним командующим – сиречь мной – не соответствует действительности. Управление и штаб 16-й армии согласно моему приказу были еще до вяземского окружения выведены в район Гжатска с задачей объединить под командованием Рокоссовского все части, выходившие из окружения, а также резервы, подходившие из глубины. Вот этот приказ:

«Командармам 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами

связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16-й армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК. Задача армии – задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск, и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести.

Конев – Булганин – Соколовский. 5.10.41».

Были приняты все меры, чтобы приказ до К.К. Рокоссовского дошел своевременно. Для проверки получения этого приказа я послал в штаб Рокоссовского подполковника Чернышева, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен, сам же Чернышев, возвращаясь в штаб фронта, где-то по пути погиб. Память об этом боевом офицере, не раз выполнявшем ответственные поручения командования фронта, я всегда храню в своем сердце.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыла 50-я стрелковая дивизия. Эта самая боевая дивизия перебрасывалась по моему распоряжению из состава 19-й армии в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но пока собирали незначительный армейский автотранспорт, времени было потрачено много, и дивизия, к сожалению, сумела прибыть вовремя только двумя стрелковыми полками и артиллерийским полком. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вяземском окружении. Большинство дивизий, перечисленных в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти в назначенный район. При выходе в район Вязьмы они ввязались в бои с механизированными войсками противника и под ударами превосходящих сил понесли значительные потери. Но и после этого они продолжали драться частично внутри кольца окружения, частично вне кольца – на рубеже Сычевка, Вязьма. Полагаю, что этих документальных данных достаточно, чтобы опровергнуть выдуманные упреки с моей стороны в адрес К.К. Рокоссовского.

5 октября Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона.

31-я армия к моменту передачи ее в состав Западного фронта имела 4 стрелковые дивизии и занимала оборону на рубеже Осташков – Сычевка. В ходе оборонительного сражения силы армии были переподчинены: 249-я стрелковая дивизия под командованием полковника Тарасова – 22-й армии, а остальные дивизии другим армиям. Управление 31-й армии было выведено в резерв в район Торжка и впоследствии использовано на калининском направлении.

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения. Дело в том, что отход – самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне он писал, «что необученные войска не способны отступать, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта, как я уже отмечал, имели только конную тягу, то ото-

рваться от противника войска были не в силах, так как превосходство в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления – от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления – от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска.

Переданная нам из Резервного фронта 32-я армия под командованием генерала С.В. Вишневого оборонялась на рубеже Днепра. Установив связь с Вишневым, я дал ему указание при выходе из окружения координировать свои действия с командующим 19-й армией генералом М.Ф. Лукиным. На него была возложена задача объединить действия всех окруженных западнее Вязьмы войск и, организованно отражая натиск врага, пробиваться на восток в направлении либо Сычевки, либо Гжатска. Командующему 20-й армией Ершакову было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы.

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма – Москва, не соединяя армий в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении – сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство.

Как явствует теперь из немецких трофейных документов, а также из доклада командарма Лукина и донесений того периода, упорные бои и активные действия наших войск, попавших в окружение, оттянули и сковали значительные силы немцев, нацеленные на Москву. В окружении наши войска продолжали вести ожесточенные бои, отбивая непрерывные атаки противника.

К 9 октября войска правого крыла Западного фронта (22, 29 и 31-я армии) с ожесточенными боями отошли на рубеж Селижарово, Ельцы, Оленино, Сычевка. Здесь отход войск проходил более организованно.

Во время смены командного пункта фронта в ночь на 6 октября мы с членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с командующим Резервным фронтом маршалом С.М. Буденным. Командный пункт Резервного фронта размещался в блиндажах в лесу восточнее Гжатска. Однако Буденный находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике под прикрытием танка КВ.

Мы прибыли к нему в штаб, с тем чтобы сообщить о сложившейся обстановке и узнать о мерах, которые принимает командование Резервного фронта в связи с тяжелым положением, создавшимся на участке 43-й армии. По имевшимся у нас данным, полученным из Генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка, Гжатск должна находиться 49-я армия Резервного фронта. Но, как выяснилось в разговоре с Буденным, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на юго-западное направление. Таким образом, 49-я армия, находивша-

яся на Вяземском оборонительном рубеже за сутки до наступления главных сил группы армий «Центр», за сутки, повторяю, была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск – Сычевка не оказалось.

К.К. Рокоссовский с управлением 16-й армии в это время уже сосредоточился в районе Гжатска. Связавшись со мной, он доложил, что 50-я дивизия двумя полками и артиллерийским полком вышла к Вязме, остальные силы этой дивизии отрезаны противником. Рокоссовскому было приказано принимать в свое подчинение все части, выходящие с запада к рубежу Гжатска, и те, которые будут подходить с тыла, в частности прибывшие из резерва Ставки в район Уваровки две танковые бригады, и организовывать оборону на рубеже Сычевка – Гжатск и южнее.

Штаб Западного фронта с разрешения Ставки был переведен в район Красновидово западнее Можайска. На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.М. Василевский и др. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требовать во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было по меньшей мере ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывавшейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только усложняло и без того трудную ситуацию.

Историки, работая над материалами о битве под Москвой, неизбежно задаются вопросом о причинах тяжелого положения, в которое попали наши войска на московском направлении в начале октября 1941 года. Мне хотелось бы кратко изложить свое мнение об этом.

Во-первых, стратегическая инициатива на всем советско-германском фронте в то время находилась в руках противника. Враг имел подавляющее превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, которая все время бомбардировала отступающие войска. Очень ярко это отражено в донесении командующего 32-й армией С.В. Вишневого от 7 октября 1941 года. В нем говорилось, что основной причиной неудач является губительная непрерывная бомбардировка наших войск авиацией противника, отсутствие у нас зенитных средств. Аналогичное положение было и в других армиях.

Во-вторых, враг обладал большим преимуществом в подвижности, мог широко маневрировать. У нас же не было достаточного количества авиации и противотанковых средств, чтобы бить вражеские колонны на марше и оказывать им сопротивление на основных дорогах.

В-третьих, Западный фронт не имел достаточного количества вооружения, боеприпасов и боевой техники. Артиллерийская и танковая плотность на 1 км была очень слабой: танков – 1,6, орудий – 7, противотанковой артиллерии – 1,5, запасы боеприпасов к началу наступления противника в некоторых частях и соединениях составляли около половины боекомплекта и в очень немногих частях – до 2 боевых комплектов.

В-четвертых, Западный фронт был очень растянут. Обороняющиеся части имели большой некомплект личного состава, а в глубине фронт не располагал достаточно сильными резервами.

В-пятых, один прорыв к Вязме с севера еще мог быть нами локализован путем перегруппировки войск. Но прорыв немецко-фашистских войск через Спас-Деменск дал возможность соединениям противника выйти с юга глубоко в тыл Западного фронта. Резервный же фронт на этом направлении резервами не располагал. К этому надо добавить, что в полосе Резервного фронта передний край обороны, занимаемый 43-й армией, оказался очень слабым, с недостаточно развитой глубиной обороны и недостаточным количеством артиллерии и тан-

ков. В оперативной глубине обороны на Гжатском рубеже также не было войск, так как 49-я армия Резервного фронта уже в ходе Московского сражения была переброшена на юго-западное направление.

Возникает вопрос: почему противник, добившись в начале октября 1941 года немалых успехов, не сумел развить наступление на Москву? Прежде всего потому, что войска Западного фронта оказали ему ожесточенное сопротивление. Они дрались мужественно, самоотверженно и стойко. Ценой жизни они спасали столицу своей Родины – Москву.

Несмотря на тяжелую обстановку, нашим войскам, действовавшим на московском направлении, предстояло любой ценой задержать противника, чтобы выиграть время для организации обороны на Можайском рубеже и дать возможность развернуть подходившие из глубокого тыла резервы. И они эту задачу выполнили.

Уже после войны я читал директиву группы армий «Центр» от 15 сентября 1941 года № 1340/41. В ней обращалось особое внимание на то, что «при отступлении противника с занимаемых позиций наши войска должны немедленно преследовать его». То есть имелось в виду полнее использовать неблагоприятную обстановку отхода советских войск. Но гитлеровцам это не удалось. На Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 8–9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны московского направления.

Двадцать восемь дивизий группы армий «Центр» были втянуты в сражение против окруженных войск, что документально доказано картами, захваченными у немецкого командования. Именно благодаря героическому сопротивлению наших войск необходимых сил для развития ударов на Москву у врага в тот момент не оказалось. В боях в районе Вязьмы он понес тяжелые потери. Есть, например, прямые показания командира 7-й немецкой танковой дивизии, который в своем донесении командованию открытым текстом сообщает: «Натиск Красной армии в направлении Сычевки настолько был сильным, что я ввел последние силы своих grenадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отойти». Есть много и других фактов и документов, свидетельствующих о героизме и доблести войск, попавших в окружение. Войска 19, 20, 32 и 24-й армий – это воины-герои, и перед ними все мы склоняем головы.

Я вспоминаю донесения находившегося в окружении командарма 19-й генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона». А сам он в бессознательном состоянии, раненый, был взят в плен, в плену не поддавался никаким соблазнительным предложениям, держался мужественно и стойко. Героизм Михаила Федоровича в боях в период окружения, его поведение в плену достойны самой высокой похвалы. Об этом еще нужно и должно сказать и в исторических исследованиях, и в художественной литературе. Генерал Лукин рассказывал мне, что 19-я армия с начала наступления немцев, то есть с 2 по 13 октября, не была расчленена на части и в самые тяжелые дни сохранила свою целостность, а с 13 октября она по приказу Военного совета фронта стала выходить из окружения отдельными группами на участке 20-й армии.

Героическое сопротивление наших войск в районе Вязьмы задержало наступление противника на Москву. Это позволило Ставке сосредоточить силы на Можайском рубеже и дать отпор врагу. К середине октября на рубеж Можайск, Малый Ярославец начали подходить резервы Ставки. В то же время из состава Западного фронта туда с боями отходили избежавшие окружения дивизии Западного и Резервного фронтов, а также части и соединения, вырвавшиеся из вражеского окружения. Забегая несколько вперед, хочу сказать, что в течение октября на московское направление отошли войска 15 дивизий и на калининское – 17 дивизий.

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов – Западного и Резервного – в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в

Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта В.Д. Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Г.К. Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.
 2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.
 3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.
 4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.
 5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.
- Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.* Принято по бодо 15.45. 10.10.41 года».

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении фронтов.

Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом.

Военный совет фронта, обсудив создавшееся положение, решил, что мне следует отправиться на калининское направление и объединить там руководство боевыми действиями 22, 29, 30 и 31-й армий Западного фронта. Дело в том, что, когда часть войск фронта попала в окружение, главная ударная группировка противника, левая клешня, если так можно выразиться, куда входили 3-я танковая группа Гота (он потом был заменен Рейнгартдом), 9-я армия Штрауса, преодолев сопротивление наших войск на рубеже Сычевка – Ржев, устремилась на Калинин. Гитлеровское командование планировало глубокий обход Москвы с северо-запада.

В районе Калинина наших войск почти не было, не было даже частей ПВО для прикрытия города.

Калининский фронт

Рано утром 12 октября я выехал в Калинин через Москву и прибыл туда к вечеру. Вражеская авиация безнаказанно бомбила город, совершенно не защищенный с воздуха. В отдельных местах полыхали очаги пожаров. Никаких войск здесь и поблизости не было. В распоряжении облвоенкома имелся лишь истребительный батальон, сформированный из коммунистов Калининской городской партийной организации. Однако личный состав батальона не располагал оружием. По городу распространялись панические слухи. Говорили, что севернее и восточнее Калинина высадились немецкие парашютисты.

По прибытии в облвоенкомат я увидел во дворе большое скопление членов семей военнослужащих, которые требовали немедленно эвакуировать их в тыл. Страх перед выдуманными парашютистами, бомбежки и пожары драматизировали обстановку.

Между тем, узнав, кто я, скопившиеся у облвоенкомата люди еще настойчивее стали требовать эвакуировать их. Чтобы хоть немного успокоить взволнованных и перепуганных женщин и детей, я приказал облвоенкому срочно принести мне в его кабинет кровать и немедленно объявить, что генерал-полковник ложится отдыхать. Может, это было и не очень убедительно, но я хотел показать, что положение не безнадежное, раз не собираюсь уезжать и даже ложусь здесь спать. И подействовало! Шум прекратился. Собравшиеся в помещении и во дворе начали расходиться. Я лежал, укрывшись одеялом, и напряженно думал, что же мне предпринять как можно быстрее.

Вскоре встретился с И.П. Бойцовым и другими членами обкома партии, сообщил им, что обстановка очень серьезная, и потребовал принять срочные меры для эвакуации города, в первую очередь банков, государственных ценностей, важных документов. Следовало немедленно, по тревоге, мобилизовать областную и городскую партийные организации, эвакуировать население, создать отряды ополчения и подготовить город к обороне.

Из обкома поехал на вокзал, чтобы задержать 5-ю стрелковую дивизию 22-й армии, которая, по ранее отданному мною приказу, должна была следовать железной дорогой в район Можайска. Эта дивизия в предыдущих боях понесла потери, но еще не утратила боеспособности. У нее имелись артиллерийские подразделения и небольшое количество танков. Установил, что части дивизии должны прибыть в район Калинина на следующий день.

На рассвете вновь побывал в обкоме и убедился, что команда на эвакуацию отдана. На восток и частично на север по мосту через Волгу уже тянулись обозы, торопливо шли люди, на подступах к городу начинались оборонительные работы.

Прибыв на вокзал, очень удачно встретил там эшелон со штабом 5-й стрелковой дивизии и комдива подполковника П.С. Телкова, которому приказал тотчас же разгрузить в Калинин все прибывшие части и занять оборону фронтом на запад и северо-запад. Потом разыскал командующего 30-й армией генерал-майора В.А. Хоменко. Приказал ему включить 5-ю стрелковую дивизию в состав его армии, а остальными войсками не допускать наступления противника по Московскому шоссе на Клин.

Отдав эти распоряжения, не теряя ни минуты, на большой скорости проследовал в 22-ю армию генерала В.А. Юшкевича, действовавшую на селижаровском направлении. На фронте этой армии обстановка была более-менее спокойной. Потребовал от командарма перебросить автотранспортом в район Калинина 256-ю стрелковую дивизию генерала С.Г. Горячева и занять ее частями оборону по восточному берегу Волги с задачей не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль. Мы, конечно, учли и то, что излучина Волги в Калинин, – здесь река поворачивает с северо-запада на юг, – могла быть использована как хороший оборонительный рубеж.

Далее мой путь лежал на юг, в Ржев, где находился штаб 29-й армии генерала И.И. Масленникова. Армия активных действий, по существу, не вела и могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступавшему на Калинин. Это я и приказал сделать Масленникову. Замысел сводился к следующему: рокировать 29-ю армию с северного на южный берег Волги и, наступая вдоль берега на восток во взаимодействии с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией, ударить по тылу вражеской группировки, прорывавшейся к Калинин. Быстрое и четкое выполнение этого маневра неизбежно, по моему мнению, остановило бы противника, наступавшего на Калинин с юга. Но Масленников, видимо не разобравшись в обстановке, не выполнил поставленной задачи, тайно обжаловав мое решение имевшему с ним связь Л.П. Берии. Об этом я узнал только после войны, когда был председателем суда над Берией.

Вопреки моему распоряжению он двинул армию северным берегом, решив переправиться на южный берег у Калинина, притом сослался на разрешение генерала армии Г.К. Жукова, но командующий фронтом вряд ли мог отменить мой приказ, не поставив в известность меня, находившегося непосредственно в этом районе. Так или иначе, намеченный и реально возможный удар не был осуществлен.

Обстановка обострилась до крайности. Спешно стянутые к Калинин и явно недостаточные силы наших войск еще не успели полностью оборудовать оборонительные позиции, а крупная группировка врага подошла уже к городу. 14 октября соединения 41-го механизированного корпуса 3-й танковой группы противника при поддержке авиации отбросили части нашей 5-й стрелковой дивизии и ворвались в Калинин с юго-запада.

Заняв город, враг сразу же двинул часть сил по шоссе на Торжок, но столкнулся с подошедшей 8-й танковой бригадой Ротмистрова. Завязался встречный бой, в результате которого противник был остановлен у Горбатого моста. Наши танкисты перешли к обороне, оседлав шоссе Калинин – Ленинград.

Одновременно вражеские войска устремились из Калинина по дороге на Бежецк. Но здесь уже заняли оборону части 256-й стрелковой дивизии. Действуя решительно, они не допустили переправы противника на восточный берег Волги.

Гитлеровцы развернули наступление и на юг по Московскому шоссе. Однако и тут им не удалось развить успех. 5-я стрелковая дивизия и другие части 30-й армии под командованием командарма В.А. Хоменко в упорном бою остановили противника. Особенно отличились артиллеристы, подбившие несколько фашистских танков и автомашин с мотопехотой.

Дальнейшие действия врага, овладевшего юго-западной частью Калинина, были локализованы. В ходе ожесточенных боев войска остановили противника на всех направлениях.

Северо-западнее города Ленинградское шоссе удерживали 8-я танковая бригада и другие части группы генерала Ватутина. С запада подходила 29-я армия генерала Масленникова. С востока на берегу Волги оборонялась 256-я стрелковая дивизия. Южнее на Московском шоссе сражались части 30-й армии генерала Хоменко. По существу, в районе Калинина образовался самостоятельный фронт из войск правого крыла Западного фронта и группы генерала Ватутина. Мне удалось организовать управление всеми этими войсками и добиться временной стабилизации положения.

Свой командный пункт я расположил на командном пункте командира 256-й стрелковой дивизии генерала С.Г. Горячева в деревне Змиево, непосредственно примыкавшей к восточной части Калинина. Отсюда мне отлично был виден город, и я мог контролировать действия 256-й дивизии.

Весьма серьезную угрозу представляли попытки противника прорваться по Московскому шоссе. Поэтому я приказал командующему 30-й армией генералу В.А. Хоменко все части армии группировать фронтом на юго-запад и удерживать шоссейную дорогу Калинин – Москва.

Вечером 15 октября я направил самолетом на имя Сталина записку и донесение о сложившейся к 14 и 15 октября обстановке на калининском направлении. Доклаживал о мерах по отражению наступления противника на Торжок и Бежецк в тыл Северо-Западному фронту и на юг – в московском направлении. Это был первый и очень важный доклад в Ставку в тот критический период, когда немцы стремительно продвигались к Калинин и заняли его, а у нас в городе ничего не было. Только в результате невероятных усилий удалось собрать войска и остановить наступление левофланговой группировки немцев – танковой группы Гота и 9-й армии. Угроза глубокого охвата Москвы с севера и северо-востока на время была устранена.

Ночью гитлеровцы предприняли попытку переправиться на восточный берег Волги на участке обороны 256-й стрелковой дивизии. Враг перебросил передовые части, пытавшиеся захватить и удержать плацдарм. Но наши войска в быстротечном бою, в котором участвовали мы оба с комдивом Горячевым, разгромили и отбросили противника.

Рано утром 16 октября направленный мной в танковую бригаду Ротмистрова офицер для поручений полковник Воробьев доложил, что противник прорвал оборону бригады и развил наступление севернее Калинина по Ленинградскому шоссе на Медное. Точно установить, где находится наша танковая бригада, ему не удалось.

Пришлось немедленно выехать в район Медного. Следуя дорогой, идущей параллельно шоссе Калинин – Ленинград, я действительно обнаружил движение немецких танков на Торжок. Наших войск не было. Случайно встретил командующего ВВС Северо-Западного фронта генерала Куцевалова, которого знал еще до войны по совместной службе в Забайкальском военном округе. Попросил его нанести авиационный удар по вражеским танкам и если не остановить, то хотя бы затормозить их продвижение. Вернувшись в Змиево, направил офицера связи к командующему 29-й армией генералу Масленникову, потребовав от него энергичных действий. Армии поставил задачу нанести удар в тыл гитлеровцам, наступавшим на Торжок, отрезать их от Калинина и разгромить.

Прорыв противника к Торжку вновь обострил обстановку. Создалась угроза совершенно безнаказанного наступления врага в тыл Северо-Западному фронту и на восток – в направлении Ярославля.

Необходимо было сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить эту серьезную опасность. Временно выручал Куцевалов. Его авиация уже наносила бомбовые удары по танковым колоннам врага. Я торопил Масленникова, приказывая ему нанести удар по северной окраине Калинина в направлении Горбатого моста, закрыть образовавшуюся брешь в обороне наших войск.

В этот же день узнал, что к Лихославлю подошли головные части 133-й стрелковой дивизии генерал-майора В.И. Швецова. В результате встречных активных действий 133-й дивизии и войск 29-й армии группировка противника, прорвавшаяся в район Торжка на узком участке фронта, была подрезана, затем окружена и разгромлена. Попытки гитлеровцев форсировать Волгу восточнее Калинина закончились провалом. Когда положение в районе Калинина для нас несколько улучшилось, я начал добиваться связи со Ставкой и штабом Западного фронта. Начальнику связи 256-й дивизии удалось обходным путем связаться по «морзе» с Москвой и Генеральным штабом. К аппарату подошел генерал А.М. Василевский. Ознакомившись с моим докладом, он предупредил, что у аппарата сию минуту будет Сталин. Верховный сообщил мне о решении создать Калининский фронт в составе 22, 29, 30 и 31-й армий и о назначении меня командующим войсками фронта.

Впервые за войну создавался фронт, управление которым начиналось с единственной реальной личности – командующего фронтом. Пока в моем распоряжении были лишь офицер для поручений полковник И.И. Воробьев, адъютант майор А.И. Саломехин и два шифровальщика. Правда, я поначалу мог опереться на штаб 256-й стрелковой дивизии, на ее замечательных офицеров во главе с генералом С.Г. Горячевым. Они оказали мне неоценимую помощь

в самые критические дни. Был подготовлен первый приказ по войскам Калининского фронта, всем армиям поставлены конкретные задачи. В первую очередь следовало окружить группировку противника и попытаться освободить Калинин. Планировалось провести эту операцию при поддержке авиации Северо-Западного фронта, которая должна была прикрыть группировку наших войск северо-восточнее Калинина.

С 20 по 28 октября войска вели активные наступательные бои в районе Калинина и отражали ожесточенные атаки противника, все еще стремившегося развить успех на торжокском направлении. Все наши усилия сводились к тому, чтобы на правом фланге не допустить продвижения врага в бежецком и ярославском направлениях, а в центре – освободить Калинин.

Наступление войск фронта началось 22 октября. К этому времени соотношение сил непосредственно в районе Калинина еще более изменилось, к сожалению, в пользу противника. Гитлеровцы, оборонявшие Калинин, превосходили наши войска в танках и автоматическом оружии. Кроме того, враг успел создать достаточно прочную оборону города, приспособив отдельные здания к круговой обороне.

Противник оказал упорное сопротивление, особенно 30-й и 31-й армиям, которые наступали непосредственно на город. С 22 октября до начала ноября войска этих армий вели бои с переменным успехом. Несколько раз они врываются на окраины города, но, встречаемые организованным огнем пулеметов, минометов и артиллерии, вынуждены были отходить в исходное положение.

29-я армия переправила на правый берег Волги свою ударную группировку, но командарм не проявил должной организованности и умения.

На 29-ю армию возлагалась самая ответственная задача – отрезать группировку врага в Калинин от главных сил 9-й немецкой армии и во взаимодействии с 30-й и 31-й армиями разгромить ее. Однако командарм Масленников, как видно было из его приказа, понял задачу по-своему. Он предусматривал лишь создание кордона, преграждавшего пути отхода противнику на юго-запад, полагая, что Калинин будет взят войсками других армий. В результате гитлеровцы форсировали Волгу в районе Акишево и, захватив на ее левом берегу плацдарм, начали распространяться к северу и северо-востоку, пытаясь прорваться вдоль железной дороги Ржев – Торжок. Для прикрытия этого направления мне пришлось выдвинуть на рубеж Высокое – река Тьма 188-ю стрелковую дивизию из резерва фронта. Кроме того, чтобы сорвать намерения противника прорваться на север к Торжку, в стыке 29-й и 22-й армий, дивизии было приказано активизировать наступление на Калинин...

В сложившейся к тому времени общей стратегической обстановке, когда развернулось решающее сражение за Москву, войска Калининского фронта при недостатке сил и средств должны были, по моему твердому убеждению, наступательными действиями и активной обороной на калининском направлении сковать левофланговую группировку группы армий «Центр», не позволив немецко-фашистскому командованию перебросить от Калинина к Москве ни одного соединения.

И эту задачу Калининский фронт выполнил, поскольку врагу не удалось перебросить на московское направление ни одной дивизии из танковой группы Гота и 9-й полевой армии, наступавших на Калинин и Торжок.

В непрерывных боях, в любую погоду, днем и ночью мы изматывали противника, истребляли его живую силу и технику.

Напряженные и кровопролитные сражения шли на фронте 22-й армии, которая сдерживала натиск главных сил 9-й немецкой армии, рвавшихся к Торжку. Командовал 22-й армией после В.А. Юшкевича генерал-майор В.И. Вострухов. Войска армии сражались героически, но враг имел значительное превосходство и на ряде участков начал теснить наши части. Для усиления их ни у командарма, ни у меня не было резервов. Кончились снаряды, гранаты и бутылки с горючей смесью. И вот в один из критических моментов, когда враг угрожал глубоким про-

рывом, я приказал генералу Вострухову бросить в штыковую атаку 247-ю стрелковую дивизию полковника С.П. Тарасова. Атака дивизии, укомплектованной пограничниками, была столь яростной, что гитлеровцы не выдержали и бросились бежать. Испытав силу русского штыка, враг больше уже не решался на этом участке предпринимать активных действий.

На торжокском направлении враг ввел в сражение все свои наличные силы, но так и не смог овладеть районом Торжка.

Героические действия 22-й армии оказали положительное влияние на повышение стойкости всех войск Калининского фронта. Для того чтобы возобновить наступление, противнику необходимо было производить новую перегруппировку или вводить в бой свежие части, которых у него на этом направлении уже не было.

В целом Калининский фронт во второй половине октября 1941 года, отражая наступление врага, сорвал планы немецко-фашистского командования развить удар на Бежецк, Ярославль и Москву. Активными наступательными действиями и в упорных оборонительных боях в районе Ржева, севернее, восточнее и южнее Калинина войска фронта нанесли противнику значительные потери и заставили его перейти к обороне на рубеже Селижарово – р. Тьма – Калинин – Тургиново. Мы обеспечили левый фланг и тыл Северо-Западного фронта и сохранили выгодное нависающее положение по отношению левого фланга группы армий «Центр», наступавшей на Москву. Отвлекая на себя очень крупные силы и средства врага, Калининский фронт, несомненно, ослаблял главную группировку немецко-фашистских войск, действовавших на московском направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.